

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

Практически этимология каждого слова (если иметь в виду древнюю лексику) связана со сравнительной грамматикой, и эта связь почти всегда сложна и многопланова, поскольку этимология представляет собой комплекс действий, опирающихся на комплекс сведений из сравнительной грамматики (мы умышленно говорим о связи, а не о зависимости этимологии от сравнительной грамматики, поскольку, как это в общем известно и как мы показываем это ниже на некоторых дополнительных примерах, этимология питала сравнительную грамматику и она может еще многое уточнить и дополнить в детальной картине славянского языкового развития, которую дает современная сравнительная грамматика). Каждая этимология оперирует фактами сравнительной фонетики, морфологии и словообразования, и нижеследующие заметки не делают в этом исключения. Вместе с тем в одной из них на первый план выдвинут момент сравнительной фонетики (I), в другой — сравнительной морфологии (II) и, наконец, — словообразования (III).

I

Первую свою заметку мы посвящаем в основном словам, объединяемым реконструированной праславянской формой **lьkno*, хотя определенную роль в числе доказательств здесь играют также другие этимологические случаи с близкой фонетической особенностью.

Чеш. *leknín* 'Nymphaea, кувшинка', ст.-чеш. *lekno* (*bílé, žluté*) 'кувшинка (белая, желтая)' ¹, словц. *lekno* 'Nymphaea, кувшинка' ² представляют собой слово, распространенное, в сущности, только в пределах чешско-словацкой языковой группы. Брюкнер указывает еще на форму *teknó* в польских местных названиях ³. Если не считать словен. *lekno* 'Nymphaea, кувшинка', которое

¹ «Příruční slovník jazyka českého»; J. Gebauer. Slovník staročeský, díl II, стр. 223.

² «Slovník slovenského jazyka» II, стр. 28.

³ B r ü c k n e r, стр. 309.

заимствовано в словенский из чешского⁴, то станет ясно, что мы имеем дело со словом ограниченного распространения, охватывающим лишь небольшую часть славянской языковой территории. Праслав. **lъkno*, которое можно восстановить на базе известных нам слов, по-видимому, не оставило следов в остальных западнославянских языках и, должно быть, никогда не было известно ни восточным, ни южным славянам. Слависты-этимологи уже давно определили древний, праславянский характер этого слова, убедительно реконструируемого для древней эпохи как **lъkno*, а также обратили внимание на почти полное тождество этого славянского названия водного растения, кувшинки и лит. *lùknė* 'желтая кувшинка'⁵. Это бесспорное сравнение заняло подобающее ему место в современных этимологических словарях⁶, но дальнейшая увязка и интерпретация пары слав. **lъkno* : лит. *lùknė* вызывает различные замечания, а в плане общей сравнительно-исторической фонетики славянских языков остается неиспользованным даже это сближение, о чем — далее.

Некоторые авторы не идут дальше констатации близости слав. **lъkno* и лит. *lùknė* (например, Бернекер), полагая, видимо, не без основания, что эта идентификация — уже серьезное достижение. С другой стороны, Френкель в своем литовском этимологическом словаре включает лит. *lùknė* 'желтая кувшинка' (и близко родственное чеш. *lekno*) в более широкую совокупность слов, вплоть до того, что слово *lùknė* оказывается внутри довольно обширной гнездовой словарной статьи с заглавным *lùknas* 'с рогами, торчащими прямо в стороны', куда включены еще *lùkinti* 'размягать путем постукивания, обколачивания', *lukėnti*, *luknóti* 'пить, глубоко погрузив клюв в воду (о голубях)', далее — лтш. *lukns* 'гибкий, подвижный', *lukt* 'слабо свешиваться', *lúks* 'обвислый', *lúksēt* 'идти сгорбившись', *lúksīt*, *lúksīt* 'жадно есть (особенно о собаках)', прусск. *Lockeneyn*, гидроним, лит. *Lùkna*, название озера, *Lùknė*, название реки, лтш. *Lukna*. Френкель склонен допускать этимологическую близость всех этих слов к назализованному индоевропейскому корню **lenk-*, **lonk-* 'гнуть'. Трудно охарактеризовать сразу весь собранный Френкелем материал, однако обращает на себя внимание семантическая и стилистическая разнородность этих слов, наличие среди них экспрессивных образований. Понятны поэтому колебания Ма-

⁴ Berneker I, стр. 749; Pletersnik I, стр. 507; F. Bezla j. Slovenska vodna imena, I. Ljubljana, 1956, стр. 326.

⁵ См.: Berneker I, стр. 749, вслед за Маценауэром и Розвадовским.

⁶ Maschek, стр. 262; Fraenkel I, стр. 389—390. — В словаре Голуба и Копечного (Нолуб—Кореѣнѣ, стр. 202), помимо упомянутого сравнения, делается попытка сблизить чеш. *lekniin*, *lekno* и сербохорв. *локвал* м. 'желтая кувшинка', но последнее, будучи производным от слова *локва* 'лужа', представляет собой явную кальку нем. *Seerose* 'кувшинка', буквально — 'озерная роза', и с чешским словом не связано.

хека, который затрудняется в выборе между дальнейшим сближением чешского и литовского названий кувшинок с лит. *lūknas* 'расходящийся в стороны' или с лтш. *lukns* 'гибкий'.

Кувшинка — характерное растение закрытых водоемов, прудов, болот, поэтому, обращаясь к исследованию образования одного из старых названий кувшинки, мы должны будем действовать с учетом своеобразия названий, касающихся болот, болотной флоры. Мы не беремся за выполнение этой трудной задачи, специально изучавшейся различными исследователями прошлого и в настоящее время. Стоит лишь отметить, что в номенклатуре болот и окружающего их мелколесья часто выделяется такой семантический признак, как 'свет', 'светлое'. Иными словами, здесь сыграло роль примерно то же противопоставление, которое отразилось в различии наименований 'лес' и 'поле'. В связи с этим нам кажется полезным развить точку зрения, которая наметилась уже у Брюкнера, а именно то, что упомянутые чеш. *lekno* и лит. *luknė* — от названия болота. Правда, Брюкнер при этом не оставался последовательным: он сближал эти названия с основами польск. *łkać, łukać* («... od moczaru, 'łkającego, łukającego»...), а с другой стороны, допускал сближение с лит. *laukas* 'поле', лат. *lūcus* 'роща', нем. *Loh*⁷. Мы попытаемся примирить семантическую мотивировку «от болота» и формальное сближение с последними обозначениями поля, рощи в различных индоевропейских языках. Названные выше лат. *lūcus* 'роща', нем. (стар.) *Loh* 'роща, низкорослый лесок', сюда же нидерл. *loo*, англ. *lea* (в топонимии), наконец, упоминавшееся лит. *laukas* 'поле' убедительно возводятся к и.-е. **leuk-/*louk-* 'свет, светлое'. Трир, оставивший глубокий след в языкознании своими ранними трудами о смысловых полях в лексике, выпустил относительно недавно целую книгу, посвященную этимологизации терминов леса, точнее — столь важной в истории человеческой культуры переходной полосы между лесом и полем, лугом, нивой. В этой книге, которая носит характерное название «Этимологии из низколесья, подлеска», разбираются в специальном разделе практически все интересующие нас названия, производные от и.-е. **leuk-/*louk-*⁸. На большом материале Трир показывает природу названий, мир понятий и организацию хозяйства, при котором побеги, ветки и сучья деревьев и кустарников низколесья подрезаются, обламываются и собираются на корм скоту, топливо и другие нужды. Вскрывается и основная внешняя примета переходной полосы низколесья: «Die Bäume stehn also licht und weitständig», которая сыграла решающую роль в формировании соответствующей терминологии, например производных от и.-е.

⁷ Brückner, стр. 309.

⁸ J. Trier. Holz. Etymologien aus dem Niederwald (= «Münstersche Forschungen», Heft 6). Münster—Köln, 1952, стр. 144 сл.

leuk-*/louk-* 'свет'. Среди производных от этого корня в разных индоевропейских языках, собранных Триром, не хватает одного слова, существенного в плане нашей настоящей заметки да, пожалуй, и в плане исследований Трира по терминологии низколесья. Это лат. *lignum* ср. р. 'дерево, дрова' в противоположность другому латинскому названию дерева — *māteriēs* 'строительный лес'. Мы объясняем, вслед за Отрембским, лат. *lignum* из **luk-no-m* от и.-е. **luk-*/**leuk-* 'свет, освещать', с последующим озвончением **luc-no-* > **lugno-*/**ligno-*⁹. Понятийный мир экономики низколесья, в двух словах затронутый выше, позволяет здесь не прибегать к примитивному осмыслению 'дрова' < 'источник света', а видеть в **luk-no-m* некое подобие более широкой первоначальной семантики — 'связанное с низколесьем'. Ср. у Даля: «Лес строевой. . . от 6 до 12 вершков в отрубе; дровяной, мелкий или негодный в стройку». Нетрудно заметить, что именно к этой первоначальной семантике лугового, болотного низколесья может быть отнесено слав. **lъkno*, название болотного растения, которое, кстати, и в вокализме корня, и в форме суффикса, и в грамматическом роде обнаруживает еще более полную близость к лат. *lignum*, чем к лит. *luknė* (производное на *-iā* **lukniā*), с которым слав. **lъkno* объединяет вторичная конкретизация первоначального более общего семантического признака: 'кувшинка, болотное растение'¹⁰.

⁹ J. O t r e b s k i. La contamination dans le développement du vocabulaire latin. — LP III, 1951, стр. 51. В остальном господствует точка зрения, согласно которой *lignum* произведено от глагола *legō* и означало первоначально 'собранное' (см.: Waldе—Hofmann I, стр. 799—800; Еггнот—Meillet³ I, стр. 637). Но эта точка зрения воспроизводит, в сущности, народную этимологию, представленную еще у Варрона: ab legendo ligna. . . Это объяснение принимает и Ю. В. Откупщиков в своей книге «Из истории индоевропейского словообразования» (Л., 1967, стр. 23, 194 и др.). Откупщиков подвергает подробному критическому анализу названную этимологию Отрембского. В ответ на конкретные замечания Откупщикова можно указать, что значения 'дрова' и 'свет' могут соприкасаться, ср. русск. *лучина* : *луч*, а также то, что выше говорилось о семантике терминов низколесья; далее, варианты *i/u* охватывают в латинском больше разных случаев, чем приводит Откупщиков, ср. хотя бы *silva* < **salva*; в нашем случае *i* < *u* могло произойти еще на стадии **lucnom*, до озвончения. Типологически важно, что значительная часть звукосочетаний *-gn-* в латинском вторична, таковы *signum* < *sec-*, *dignus* : *dic-*. К этимологии *lignum* обращается В. В. Мартынов в своей работе, публикуемой в настоящем томе «Этимологии». Он признает родственными лат. *lignum* и слав. *lъszъ*, причем *lignum* возводит к **lik-no-m*. Эта этимология, предполагающая ряд допущений, кажется нам более проблематичной.

¹⁰ Картина сложности проблемы была бы, видимо, неполной, если бы мы не обсудили еще одну, значительно более гипотетическую, возможность. Речь идет о внутриславянских связях описанного выше слова **lъkno*. Со стороны семантики можно указать на то обстоятельство, что в качестве названий растения Нутрһаеа нередко бывают употреблены названия сосудов, правда, в основном это — относительно поздние, местные названия кувшинки: русск. диал. *кубышка*, *кубышки*, *кубанцы*, *самоварчики*, *кувшинь*, *кувшинчики*, *кувшинцы*, блр. *горлачики*, *жбанки* то же, укр. *збанок*, *збаночки*, *гле-*

Теперь мы можем перейти к центральному моменту настоящей заметки. В плане консонантизма характерно наличие в слове **lьkno* (а, возможно, также и **lьk(ъ)no*¹¹) звукосочетания *-kn-*. Соответствия в других индоевропейских языках (лит. *luknė* и лат. *lignum* < **luknom*) обнаруживают то же самое сочетание согласных, что придает этому факту значение архаической приметы. Ее значительности не умаляет то очевидное обстоятельство, что *-k-* и *-n-* принадлежат разным морфемам, первое — корню, второе — суффиксу; их соседство от этого не становится менее древним. Интересно после этого ознакомиться с состоянием вопроса о судьбе сочетания *kn* в славянских языках. Нельзя сказать, чтобы этот вопрос совершенно не пользовался вниманием специалистов по сравнительной грамматике. Почти каждый из авторов известных пособий по сравнительной грамматике славянских языков и по праславянскому языку высказал свое мнение по этому поводу. Отдельные ученые рассматривали вопрос даже монографически. Обстоятельно трактует судьбу *-kn-* в праславянском Ильинский¹². В специальном разделе (§ 206. Взрывные согласные перед *n*) своей «Праславянской грамматики» он обсуждает такие примеры, как *lono* < **lokno*, *luna* < **lukna*, *blьsnqti* < **blьsknqti*, *rěsnь* < **rěsknъ*, справедливо оценивая первые два из них как сомнительные. Ср. у него же далее: «И в отношении вопроса

чки то же (см.: В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 31; там же: «плоды растения похожи на миниатюрные сосуды...»). Это вызывает в памяти название сосуда, представленное в следующих славянских формах: сербохорв. (стар.) *lukno* 'мера для хлеба', словен. *lōkno*, *lukno* 'налог с прихожан в пользу церкви', ст.-чеш. *lukno* 'мера для хлеба или меда', слов. диал. *lukno* — в близком значении, н.-луж. *luknaško* 'ящик в ларе', др.-русск. *лукъно* 'кадочка, лукошко', русск. *лукно́*, *лукбшко* 'свернутый из осиновой драни круглый ящик с крышкою' (олонец.), 'корзина, сплетенная из бересты' (псковск.), ст.-укр. *лукно* 'короб, кузов' (XVI в.). Все эти формы объединяют обычно вокруг праслав. **lьk(ъ)no*, правдоподобно этимологизируя эти названия плетеных сосудов от **lьčiti* (см.: Вегнекер I, стр. 740; Фасмер II, стр. 532). Впрочем, Махек считает слово неясным (Махек, стр. 278). Авторы не вполне уверены в реконструкции, допуская древнее отсутствие *ъ*. Назализация гласного в слове такого звукового состава (*-kn-*) могла оказаться вторичной, подобные примеры известны. Брюкнер, кроме этого, указывает на принципиальную возможность дублетов *lьk-* и *luk-* (А. Вгүскнер. *N- und U-Doubletten im Slawischen*. — KZ XLII, 1909, стр. 354—355). Брюкнер же склонен считать форму *lukno* древнейшей (правда, не отделяя ее от **lьk-* 'вязать, плести'). Итак, праслав. **lьkno* 'Nymphaea, кувшинка' и **lukno* 'плетеный сосуд' как бы оказываются формально и семантически близкими образованиями, хотя реальность реконструкции **lьkъno*, повторением, продолжает затруднять здесь определение первоначальных связей.

¹¹ Сюда, по-видимому, не относится словен. *lūknja* 'дыра', сербохорв. *lūknja* 'дыра, отверстие', *lūknja* то же, которое считают заимствованным из австр.-бав. *Lucken* 'дыра'. См.: Вегнекер I, стр. 744; Н. Striedter — Темпс. *Deutsche Lehnwörter im Slovenischen*. Berlin, 1963, стр. 173; Она же. *Deutsche Lehnwörter im Serbokroatischen*. Berlin, 1958, стр. 157.

¹² Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, стр. 263—264.

о выпадении *k* . . . перед *n* еще не достигнуто в науке полного единства во взглядах. Более или менее согласно ученые признают выпадение *k* перед этим сонантом лишь после *s* (ср. Leskien, Handbuch⁵ § 32, 8, Соболевский, Дцсл. яз. 129 sq.), но в других случаях или совсем отрицают возможность такого выпадения, или допускают его условно, напр., в сочетании трех согласных, как, напр., в слове **loukšna* (ср. Meillet Et. 131); в пользу же сохранения его при других условиях указывается на формы вроде *mьlknqti*, но при этом забывают, что его *k* могло быть восстановлено под влиянием форм прич. *мылкъ*, *мылкьль* и т. п. Впоследствии Соболевский ЖМНПР. ССХСІХ 84 sq. не только признал факт выпадения *k* в слове *lukna*. . ., но и стал допускать (а за ним и Mikkoла ВВ XXII 246) такое выпадение даже для звука *g* в том же положении, ссылаясь, главным образом, на совр. р. *двинуть* при *двигать*, *тронуть* при *трогать*. Но неужели эти два слова (из которых второе совсем не имеет соответствий в других славянских языках) больше значат, чем свидетельство иносл. *dvignqti*? И неужели многочисленные примеры сохранения *g* перед *n* в других словах (напр., в *огнь*, *stьgna*, *gnesti* и пр., ср. Meillet Et. 130) также не имеют значения?»

В отличие от Ильинского, Мейе очень краток: «Сохранились также сочетания *kn* и *gn*: **МАЛКНЖТИ** 'молчать', **СТЕГНО** 'бедро', **ГНЕТЖ** 'я давлю', ср. др.-англ. *cnedan*; **ОГНЬ** (и чаще **ОГНЬ**), ср. скр. *agnih*, лат. *ignis*, лит. *ugnis*»¹³. Примерно так же однозначно выражено мнение Микколы (с отличием в некоторых примерах): «*k* и *g* сохранились перед *n*: примеры: *okno* 'окно' от парадигматической формы *k oko* 'глаз', ср. арм. *akn* 'глаз' — *mьlknqti* 'замолчать' . . . — *stьgno* 'бедро, ляжка' (ст.-слав. **СТЬГНО**...) наряду со *stegno* . . . — *ognь* . . .»¹⁴ Нахтигал почему-то приводит только один пример на группу *kn*, и причем довольно неудачный: *těsnъ* < **těsk-nъ*¹⁵ (здесь уместно говорить не столько о судьбе *kn*, сколько об упрощении группы из трех согласных, что способно лишь увести от темы). Глубоко оригинальны и вместе с тем спорны суждения Вайяна: «Группа *gn* сохранилась: ст.-слав. **ОГНЬ** (**ОГНЬ**) 'огонь', санскр. *agnih*; **ДВИГНЖТИ** 'двинуть', аор. **ДВИГЪ**; в начале слова **ГНИДА** 'гнида', лтш. *gnida*, др.-исл. *hnit* . . . Группа *kn* тоже регулярно представлена в производных образованиях, как, напр., ст.-слав. **ВЪКНЖТИ** 'научиться', аор. **ВЪКЪ**. Но это, несомненно, не древнее явление, и глухое сочетание *kn* должно было вести себя иначе, чем звонкое сочетание *gn*, которое, видимо, подверглось ассимиляции в **ñn*, а за

¹³ Цит. по изд.: А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 113.

¹⁴ J. J. Mikkoла. Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen. II. Teil. Konsonantismus. Heidelberg, 1942, стр. 163.

¹⁵ R. Nahtigal. Slovanski jeziki. 2 izd. Ljubljana, 1952, стр. 12.

тем было восстановлено. В древнепрусском, как и в латинском, *kn* переходит в *gn*: *sagnis* 'корень', лит. *šakñis*. В славянском *lono* 'лоно, чрево', вероятно, обозначало полу одежды ниже пояса, как *skutŭ*... , и оно представляется в таком случае тождественным др.-прусск. *lagno* 'штаны', древнее множественное число среднего рода: это должно быть производное **lokno* от балто-славянского корня **lek-*, лтш. *lèkt* 'прыгать, лететь', а славянский ассимилировал сочетание с носовым *kn* > **nn*, откуда *n*»¹⁶. Слишком коротко изложен этот вопрос у С. Б. Бернштейна: «Сочетания „взрывной согласный + *n*, *m*“ встречались очень редко. Можно привести надежный пример на [gn-]: *gnet-*. В примере *tisknpti* слогораздел, возможно, шел между [k] и [n]. . . »¹⁷. К сожалению, здесь осталась неиспользованной специальная работа Мареша¹⁸ по данному вопросу, удобная тем, что там собран целый ряд примеров на *gn-*, которые не имеет смысла не считать надежными. Работа Мареша — его доклад на московском (IV) Международном съезде славистов — представляет для нас первоочередной интерес и в отношении проблемы *kn* в славянском, поскольку в ней автор со всей основательностью обобщил современное состояние вопроса в науке. Именно это обобщение Мареша, а равно и его выводы побудили нас взяться за пересмотр данной проблемы сравнительной фонетики, опираясь главным образом на материалы этимологии.

Собственно, в статье Мареша анализируется переход (смягчение) *gn* > *gñ* в славянских языках, его условия и древность. Материал по проблеме *gn(kn)* представлен у автора рядом **agnẽ*, **ogñ*, **gnida*, **gniti*, ст.-слав. кѣнигы, **gneto*, **gnesti*, **gněvъ*, **gnězdo*, **gnědъ*, **gnětiti*, **gnatъ*, **gnojъ*, **gnusъ*. Очевидно, что все это примеры на *gn*. Как выясняется далее, такой состав материала оказывается не случайным, ибо Мареш считает, что «старые сочетания *kn* в очень древнюю эпоху все сплошь изменились в *gn* (ассимиляция по звонкости); некоторые слова, перечисленные здесь, являются доказательством этого: *gnatъ*, *gneto*, *gnědъ*, *gnět'о* и *gnida*. Слово *knigy*, вероятно, заимствовано, и причем — уже после перехода *kn* > *gn*, но до перехода *kn* > *kñ*»^{18a}. Приписывать особый доказательный вес в вопросе о переходе *kn* > *gn* словам, называемым Марешем, нельзя.

¹⁶ A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. T. I. Phonétique. Lyon—Paris, 1950, стр. 92, 93. — Между прочим, слав. *lono* сейчас едва ли целесообразно этимологизировать каким-либо иным способом, кроме как из **log-sn-o*, ср. свидетельство [близкого образования ложесна (**logesnā*)].

¹⁷ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 140.

¹⁸ F. V. Mareš. Vývoj skupiny *gn(kn)* v období slovanské jazykové jednoty. — Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Praha, 1958, стр. 109.

^{18a} Там же, стр. 116.

Достаточно справки в этимологических словарях, чтобы увидеть, что здесь не все ясно и что этимологические связи, говорящие о древности группы *gn* в этих словах, пожалуй, более очевидны. Мареш неправ, говоря о древнейшем славянском переходе *kn > gn*, якобы предшествующем переходу *gn > gñ* (см. еще стр. 121 его работы). Выше мы подробно разобрали пример слав. **lъkno*, который, как и его родство с лит. *lùknė*, известен славянской науке уже довольно давно. Нашей целью было обратить внимание на документируемую внешними свидетельствами древность сочетания *kn* (а не *-kъn-*!) в этом славянском слове. Опираясь на эту форму, мы полагаем, что славянскому не был известен переход *kn > gn*.

Можно назвать и другие примеры, свидетельствующие о том же.

Польск. *piękny*, чеш. *pěkný*, словц. *pekný*, луж. *pěkny* 'красивый' — исключительно западославянские формы, что не мешает считать их древним образованием. Они продолжают **peknъjь*, лежащее в основе всех перечисленных форм, ср. словц. *pekný* < **päkný*¹⁹. Носовой гласный корня обязан здесь своим происхождением вторичной назализации, следовательно, можно говорить о более древнем **pekn-*. Древность оформления **pekn-* (не **pekъn-*!) и одновременно — древность группы *kn* в этом слове показывает наличие варианта **pekrъ*, прослеживаемого в производных формах²⁰. Этот последний имеет близкие соответствия за пределами славянского, на что давно обращено внимание, ср. гот. *fajrs*, англ. *fair* 'прекрасный' — из догерманского **pokrōs*. Мена суффиксов, или древних расширителей основы, *r/n* носит, таким образом, дославянский характер.

Чеш. *liknavý* 'медлительный, вялый' представляет собой производное от адъективной, по-видимому, основы *likn-*, известной в славянском практически только из чешского, ср. ст.-чеш. *liknovati se* 'сторониться, опасаться', словц. *liknovat' sa* 'отлынивать, бояться', производное от упомянутой адъективной основы. Махек предполагает здесь позднее оформление суффиксом *-n-*: **liknĕ* < *lichnĕ*, однако это совершенно невероятно²¹. Еще Бернекер, выделив **liknavъ*, обращал внимание на формант *-n-* в некоторых его индоевропейских соответствиях: др.-инд. *rēknas* ср. р. 'блага, богатство', авест. *raēxanah-* ср. р. 'наследство', др.-в.-нем. *lēhan*, др.-англ. *læn*, др.-исл. *lān* ср. р. 'лен, владение землей'²². Мы можем сюда добавить еще лит. *liėknas* 'стройный, статный (о фигуре, росте)', которое в формально-грамматическом отношении (— прилагательное) особенно близко адъективному славянскому **likn-*. Древнее значение исходного индоевропей-

¹⁹ Holub—Korešný, стр. 269.

²⁰ Grückner, стр. 142.

²¹ Ср.: Machek, стр. 269—270.

²² Berneker I, стр. 718, 710—711, со ссылкой на Мейе.

ского корня **leik*²² 'оставаться' объединяет значения 'стройный' (лит.) и 'медлительный, вялый' (чеш.) в конечном счете так же, как, например, корень **sta*-, который встречается в русских словах *статный* и *отсталый* и т. п. Важно, что и здесь, в слав. **likn*-, мы наблюдаем древность и сохранность на славянской языковой почве сочетания согласных *kn*. В дальнейшем обсуждение судьбы *kn* в славянских языках (в том числе сравнительно с группой *gn*) можно будет вести только при учете разобранных выше слов **lъkno*, **liknavъ*, **рѣknъjь* и их древних этимологических связей.

Но уже и теперь ясно без лишних слов, что древнее сочетание согласных *kn* в славянском сохранилось, не упрощаясь, не озвончаясь и практически не претерпевая ни одного из приписываемых ему изменений.

II

Во втором своем этимологическом фрагменте мы будем говорить о целой группе слов, объединяемых вокруг реконструируемой праславянской формы **sĕra*. Этот случай замечателен также сложностью своей фонетической истории, еще неясной в деталях индоевропейского и славянского развития. Однако в конечном счете нас интересуют здесь выводы морфологического характера.

Похоже, что старославянские в узком смысле тексты, древнемакедонские, древнеболгарские памятники не отразили слова **sĕra*, как о том можно судить по изданному Л. Садник и Р. Айцетмюллером «Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten» ('s-Gravenhage, 1955). Миклошич в своем «Древнеславянско-греческо-латинском словаре»²³, известном также широтой концепции старославянского, дает *сѣра* f. 'θεῖον sulfur', но как о том говорит знаменательный круг текстов, содержащих это слово (минеи и прологи сербской редакции церковнославянской письменности, включая довольно поздние тексты, а также русско-церковнославянские памятники), мы не имеем пока оснований говорить о наличии старославянской лексемы *сѣра*.

Каково же положение в лексике современных живых языков, наиболее близких к языку старославянских памятников письменности — болгарского и македонского? В толковом словаре болгарского языка²⁴ упоминается *сѣра* ж. 'химически элемент, твърдо чупливо тяло с лимоненожълт цвят; симпур', *сѣрен* (прил.) 'който се отнася до сѣра или съдържа сѣра' и *сѣрей* м. 'засъхнала

²³ F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865, стр. 972.

²⁴ Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Ив. Леков, Ст. Стойков, Цв. Тодоров. Български тълковен речник. София, 1955.

пот по вълната на овцете', 'вода, в която е парена непрана вълна'. В болгарских народных говорах, судя по имеющимся у нас данным, широко распространены следующие характерные значения соответствующих слов и их производных: *сѣра* ж. 'нечистотия по вълната'²⁵, т. е. 'грязь, нечистота на овечьей шерсти', *сѣрей* м. 'засохший пот на овечьей шерсти', откуда прил. *серейлиѳ* 'който съдържа серей': *серейлива вѳна*²⁶; *с'ара* ж. 'особена мазнина, която съдържа вълната, преди да бъде изпрана'²⁷, т. е. 'особенный жир, который содержится в овечьей шерсти перед тем, как ее вымоют'. В македонском находим *сера* f., диал. *сара* f., *серей* m. 'masnoća prvog mleka (kod žene i kod stoke)', 'masnoća po vuni ovaca', т. е. с двумя значениями — 'молозиво' и 'жир на шерсти овец'²⁸.

Обширный материал по интересующей нас лексике представляет сербохорватский язык, и особенно его пародные диалекты. Вук Караджич дает в разной диалектной огласовке *сѣра* f. (вост.), *сѳра* (зап.), *сѣра* (южн.) 'вода, в которой вымыли шерсть'²⁹, ср. диал. (Косово и Метохия) *сѳрина* ж. 'вода у којој је била потопљена непрана вуна'³⁰. Обзор большого числа интересующих нас форм по диалектам находим в известной монографии П. Ивича о диалекте галипольских сербов³¹: *сѳра* («*вѳда ди се попѳри вѳна*»), *сѳрѳава вѳда*. Далее, там же: «... Здесь (имеется в виду слово *сера*. — О. Т.) форма на *е* является обычной, так, она имеется у Вука, Броза—Ивековича и Гл. Элезовича (см. на слова *сѣра*, *сѣрљива*). Экавские формы отмечены также во Вране (*серав*), Алексинаце (*сераивља вуна*), Кнежеваце и окрестностях (*сера*), болевачском округе (*серав*) и Хомоле (*серавна вуна*). Этому соответствует — если говорить о *ѳ* — и крапованское *сѣр'а*. Формы на *и* обнаружены в призренско-тимокском диалекте только в самых северных районах, около Тупичници (*сира*) и на среднем Тимоке (*сира*, *сираив*), но зато на косовско-ресавской территории они преобладают. Они есть в Косове и Метохии (*сѳрина*, *сѳрљива вѳна*), в Левче и Темниче (*сѳра*), в Глоговаце близ Светозарева (*сѳрайва вѳда*) и около Заечара (на границе с тимокским диалектом, *сѳрајив*)».

²⁵ Село Иваняне, Софийский округ, дипломная работа, рукоп., Софийский университет. Выписка сделана мной в январе—феврале 1965 г. в Софии.

²⁶ М. Сл. М л а д е н о в. Лексиката на ихтиманския говор. — «Българска диалектология. Проучвания и материали», кн. III. София, 1967, стр. 163.

²⁷ Г. Г о р о в. Странджанският говор. — «Българска диалектология. Проучвания и материали», кн. I. София, 1962, стр. 136.

²⁸ «Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања». Редактор В. Конески. Скопје, 1961 сл.

²⁹ Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник, с. v.

³⁰ Гл. Елезовић. Речник косовско-метохијског дијалекта, св. II. Београд, 1935, с. v.

³¹ П. Ивић. О говору галипольских Срба. Београд, 1958, стр. 70, 71—72, 419.

Значению и употреблению слова *сера* посвящена небольшая полезная заметка В. Мичовича, который сообщает дальнейшие сведения по сербохорватским народным говорам³². Согласно Мичовичу, *сјѣра*, *сѣра*, *сѣра* в разных частях Сербии обозначает обычно воду, в которой вымыли овечью вóлну и которая после этого обладает мыльными свойствами. То же самое значение указывается для словообразовательных вариантов *сјѣравина*, *сјѣрина*, *сѣрај*, *сѣрина*, *сјревина*; невытая шерсть обозначается прилагательным *сјѣрава*, *сѣрава*. Кроме этих значений, названный автор указывает, что в Черногории (как и в Македонии, см. выше) данное слово значит еще 'молозиво, первое молоко (у овцы, козы, коровы, кобылы)', 'первое молоко у женщины'.

По словенскому языку, в отличие от болгарского, македонского и сербохорватского, мы не располагаем почти никакими данными. Можно назвать лишь производную форму словен. *sêrec*, род. *serca*, которую Плетершник толкует как 'žveplo, der Schwefel', т. е. 'сера'³³. В словаре Плетершника это значение приведено третьим, после значений 1) 'der Greis', 2) 'der Schimmel', тогда как ясно, что слово *sêrec* в этих двух значениях произведено от цветообозначения *sêr* 'grau', 'blond' и к слав. **sěra*, обсуждаемому нами, не относится, о чем см. также ниже.

Чешский знает форму и значение *síra* f. 'žlutá, hořlavá látka'³⁴, т. е. 'сера, sulfur', из словацкого же ни в одном из упоминавшихся выше значений форма **sěra* (или близкая) нам не известна. Дошедшие до нас материалы полабского языка не содержат рефлекса праславянского слова **sěra* вообще, но ввиду их скудости едва ли целесообразно делать из этого отсутствия свидетельств какие-либо выводы. Нижнелужицкий знает *sera* f. 'die erste Milch der Kuh unmittelbar nach dem Kalben, die Biestmilch, colostrum, молозиво'³⁵, а также *syrik* m. 'Schwefel'³⁶, в верхнелужицком находим *syra* ж. 'ungesottene Milch, die erste Milch nach dem Kalbe, colostrum'³⁷, слово, бесспорно, испытавшее формально-семантическую аттракцию прилагательного *syry* 'сырой, невареный, пекипаченый', откуда вторичное значение *syra* — 'ungesottene Milch', при первичном 'colostrum, молозиво, первое молоко коровы'. В польском известно слово *siara* ж. 'colostrum, молоко у роженицы, молозиво', 'молозиво, молоко в вымени коровы во время отела, перед отелом и сразу после него', диал. 'овечьё молоко'³⁸, а также *siarka* ж. 'химический элемент, der

³² В. М. Мићовић. О значењу речи *сјѣра* (*сера*, *сѣра*). — «Наш језик», нова серија, књ. I, св. 5—6. Београд, 1950, стр. 208—209.

³³ P l e t e r š n i k II, стр. 470.

³⁴ «Příruční slovník jazyka českého», s. v.

³⁵ Е. М у к а. Słownik dolnoserbskeje rěcy, II, 403.

³⁶ В. Š w j e l a. Dolnoserbско-нѣмски słownik. Budyšin, 1963, стр. 408.

³⁷ P f u h l, стр. 702.

³⁸ «Słownik warszawski», t. VI, Warszawa, 1915, стр. 87—88.

Schwefel', 'tłusta ziemna żywica, mająca w sobie kwas kuperwasowy; pali się błękitnym płomieniem'³⁹.

Переходя к свидетельствам восточнославянских языков, мы можем констатировать, что между соответствующими примерами из древнерусской письменности и современными данными живых восточнославянских языков непосредственная тесная связь не всегда установима. И. И. Срезневский в своих «Материалах для словаря древнерусского языка» (т. III, стб. 899) выделяет следующие значения и примеры для слова *сѣра*: 'горючее вещество, смола, сера'. — Жегъще пещь сѣрож и пекло^м и изгрѣбьми и лозіемъ (*váφpaν kaí píσcaν kaí σπιπpóov kaí κληρατίδα*). Дан. III. 46 (Упырь). Напрагль кси стрѣлы с чемеремъ и съ сѣрою горячею на голову свою. Злат. цец. XIV в. (Бусл. 481). . . — 'жир'. — Възя Даниилъ смолж и сѣрж и влънж и възвари въкжнь, и сѣтвори въ гомолж, въврѣже въ оуста зміж (*ἐλαβεν ὁ Δανιήλ πίσσαν καὶ στέαρ καὶ τρίχας*). Дан. XIV. 27 (Упырь).

В современном толковом словаре под редакцией Ушакова русское слово *сера* толкуется как 1. 'металлоид, легко воспламеняющееся вещество желтоватого или сероватого цвета, применяемое в медицине и технике', 2. 'жирное густое вещество желтого цвета, образующееся в ушной раковине'. Стоит также привести (в выдержках) содержание соответствующей статьи в словаре Даля: *сѣра* ж. 'одно из простых (песложных, неразлагаемых) веществ, плавкое и сильно горючее ископаемое вулканического происхождения . . . сера горючая . . . / *сѣра, сѣрка*, вост. и сиб. мастика, юж. топленая смола лиственницы, которую жуют заобычай, как лакомство, и чтоб зубы белели. Лънет, как сера к сучку. // Мылистое вещество (щелочно-жирное), отделяемое природой в ушном проходе. . . Серное молоко, черный бус, пыль, добываемая из раствора. . . // *Серник*, ворга, накипь смолы на сосне, ели, самотеком; накипь смолы на живом дереве. . . // *Серянка*, первый поток смолы, при сидке, вишневого цвета, лучшая. // *Серянка* и *серница*, *серосмолье*, засмолок, пророст, или место в хвойном дереве, из которого сочится смола. . .⁴⁰ К этим данным, почерпнутым Далем, как это видно, в основном из живого народного языка, можно добавить еще русск. диал. *сера* 'смола деревьев' (олонецк.)⁴¹, *сера* 'смола древесная на коре хвойных деревьев' (яросл.)⁴². В украинском известно *сіра* ж. 'сера', *сірка* 'сера', 'серка в ушах'⁴³, ср. в словаре П. Белецкого-Носенко *сірка* ж. 'горючая сера, сера в ушах'⁴⁴. Еще

³⁹ S. B. Linde. Słownik języka polskiego, t. V. Warszawa, 1812, стр. 224.

⁴⁰ Даль² IV, стр. 380—381.

⁴¹ Куликовский, стр. 117.

⁴² Мельниченко, стр. 183.

⁴³ Гринченко IV, стр. 127, 128.

⁴⁴ П. Білецький - Носенко. Словник української мови. Підготував В. В. Німчук. Київ, 1966, стр. 327.

в «Лексиконе славеноросском» Памвы Беринды с его выразительно украинской толкующей частью читаем *жѣпель, сѣра, сѣрка*⁴⁵. В белорусском языке слово *сѣра*, согласно современным лексикографам⁴⁶, адекватно русскому слову *сера* в его литературно-общенародном употреблении.

Прежде чем обратиться к выяснению происхождения слова **sĕra*, нам, как видно, необходимо будет внимательно изучить значения и употребления всех относящихся сюда конкретных славянских форм в их взаимосвязи. Это требуется тем более, что степень самостоятельности отдельных значений и употреблений весьма велика, вплоть до того, что они с трудом укладываются в единый «семантический спектр» единого слова **sĕra*, а самый факт реального существования такого единого славянского слова **sĕra* начинает в результате этого обретать черты некоей иллюзии или фикции.

С этой целью мы, опираясь на более подробный перечень форм, их значений и прочих особенностей, приведенный выше, составили таблицу, в которую входит краткий перечень всех более или менее самостоятельных значений и указание на их распределение по славянским языкам. Прочие детали этой таблицы будут понятны из дальнейшего изложения. Составляя ее, мы ориентировались, помимо прямых лексикографических свидетельств славянских языков, также на некоторые внеславянские этимологические сведения и типологические аналогии как в плане развития лексики, так и в плане связи реалий. Расположение, последовательность значений в таблице отражают наше понимание возможного направления «филиации идей», лежащей в основе этой части славянского словаря. Мы не настаиваем, естественно, на абсолютной неопровержимости именно такого порядка следования значений, но основной смысл его, причем значение 1-е считается более древним, архаическим, чем значение 9-е, кажется нам правильным (см. стр. 37).

При чтении таблицы могут быть учтены следующие коррективы. Похоже, что слово болг. *сѣра* в значении 'sulfur, *сера*' — принадлежность только литературного болгарского языка, что приводит к постановке вопроса о русском происхождении данной формы (подведенной затем под действующие в болгарском литературном языке закономерности ятевого произношения? — Ср. *сѣра* : *серен*). Здесь же уместно напомнить о сомнительности словенской формы *serec* 'Schwefel', далее — о том, что н а р о д н ы м и названиями серы в южнославянских языках являются совсем другие слова: в болгарском это — *сѣмнур*, в сербохорватском

⁴⁵ См. издание «Лексикон словенороский Памвы Беринды». Підготовка тексту В. В. Німчука. Київ, 1961, стр. 38.

⁴⁶ См., например, «Русско-белорусский словарь» под ред. Я. Коласа и др. (М., 1953) и более новый «Белорусско-русский словарь» (М., 1962).

Значения	Я з ы к и														
	ст.-слав.	болг.	макед.	сербохорв.	словен.	чеш.	слѣв.	полаб.	н.-луж.	в.-луж.	польск.	др.-русск.	русск.	укр.	блр.
1. 'молозиво'			+	+					+	+	+				
2. 'овечьё молоко'											+				
3. 'στέαρ, твердый жир'												+			
4. 'жиропот на шерсти овец'		+	+												
5. 'вода, в которой вымыли овечью шерсть'		+		+											
6. 'жирное выделение в ушах'													+	+	
7. 'древесная смола'													+		
8. <i>váφda</i> ≈ горная смола												+			
9. 'sulfur, сера'		+			+	+			+		+	+	+	+	+
Слово не встречено вообще	∅							∅	∅						

основное название серы — *сѹмпор* (оба последних названия — относительно поздние балканские романские элементы). В словенском обычном названии серы служит германизм *žveplo*, что вместе с сомнительностью словенского продолжения праслав. **sěra* очень напоминает нам ситуацию в старославянских текстах, где нет слова **sěra* и представлено *жоупельъ*, *зюпельъ* 'сера', т. е. мы вынуждены признать, что в этом случае (как и во многих других) лексическая ситуация в старославянских текстах носит скорее «паннонский» характер. Таким образом, отметки наличия значения 'сера, sulfur' у продолжений праслав. **sěra* в некоторых южнославянских языках в нашей таблице не имеют такого же полноценного значения, как в других случаях. Если добавить, что одно из ранних заимствованных названий серы — ст.-слав. *жоупельъ*, словен. *žveplo* заимствовано именно южными славянами (русск. *жѹпелъ* — церковнославянизм!)⁴⁷, поскольку древние южнославянские диалекты, видимо, не имели подходящего слова для обозначения вещества sulfur, то станет ясно, что значение

⁴⁷ См.: V. K i p a r s k y. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen (=«Annales Academiae Scientiarum Fennicae», Ser. B, t. XXXII), Helsinki, 1934, стр. 124.

‘сера, sulfur’ вообще не следует ассоциировать с собственно южнославянскими продолжениями праслав. **sěra*.

Далее, переходя к западнославянским данным, схематично отраженным в таблице, мы должны иметь в виду, что и здесь не следует огульно принимать наличие значения ‘сера, sulfur’ у прямых продолжений праслав. **sěra*. За вычетом чеш. *síra* ‘(горючая) сера’, остальные однокоренные западнославянские названия серы явно приспособлены вторично для обозначения серы, для чего потребовался особый словообразовательный акт, ср. производный характер таких названий серы, как н.-луж. *syrik*, польск. *siarka*. Это показывает нам также, что прямое продолжение праслав. **sěra* на западнославянской языковой почве не могло быть использовано для обозначения серы. Для этого имелись, очевидно, веские причины, которыми мы займемся несколько ниже.

Восточнославянские данные обращают на себя внимание тем, что именно здесь праслав. **sěra* прямо употреблено в значении ‘sulfur’. Словообразовательные средства для выделения этого значения тут не требовались, во всяком случае сколько-нибудь серьезной роли не играли (укр. *сірка* — явная аккомодация польск. *siarka* ‘сера’). Причины этого положения мы также попытаемся выяснить далее. Здесь следует пока отметить, что в сложной древнерусской языковой стихии несомненно русским значением слова *сѣра* является ‘сера, sulfur’, ср. выше пример из Златой цепи XIV в. у Срезневского. В то же время цитаты из церковнославянского сочинения с четкими южнославянскими особенностями языка содержат примеры слова *сѣра* в таком значении, которое, хотя и стоит у нас как древнерусское под № 3 (‘стѣар, жир’), явно связано с типично южнославянским значением ‘жиропот овец’. Ср. другой пример из Срезневского: Възя Даниилъ смолѣ и сѣрѣж и влѣнѣж... (Ἔλαβεν ὁ Δανιὴλ πίσσαυ καὶ στέαρ καὶ τρίχας), — где для нас значительно соседство слова *сѣра* (как названия жира) и названия овечьей волны.

По приведенной выше таблице можно сделать также следующие наблюдения и выводы (с учетом только что изложенных поправок). Значение ‘молозиво (первое молоко)’ распределено таким образом, что охватывает часть южнославянских (македонский, сербохорватский) и часть западнославянских языков (сербо-лужицкие, польский), т. е. такие общности, для которых совместные новообразования, инновации не типичны. К вопросу о древности значения ‘молозиво’ у праслав. **sěra* мы еще вернемся потом. Остаются еще некоторые «инсулярные» группы значений на таблице, причем значения ‘жиропот на шерсти овец’ и ‘вода, в которой вымыли овечью шерсть’ как бы тяготеют к южнославянской группе значений ‘молозиво’, а значения ‘смола’ (и близкие) — к значению ‘сера, sulfur’. Эти связи также могут быть использованы при обосновании предлагаемой диахронической иерархии значений у продолжений праслав. **sěra*.

В отношении этимологии праслав. **sěra* мы считаем удачным сближение этого славянского слова и лат. *serum* 'сыворотка'⁴⁸. Несмотря на значения лат. *serum* и алб. *hirrë* 'сыворотка', которые некоторые ученые также относят сюда, и др.-инд. *kṣīra* 'молоко', мы все-таки воздержались бы от того, чтобы предполагать, что все эти индоевропейские слова вместе с праслав. **sěra* входили в одно семантическое поле 'молоко'. У этих слов есть серьезные словообразовательные и морфологические отличия, которые заставляют говорить о том, что здесь представлены самостоятельные производные от одного общего корня в разных языках. О специальной морфологической связи между праслав. **sěra* и лат. *serum* еще будет сказано ниже. Особую способность выступать в значении 'сыворотка' (или близком значении 'маслянистая жидкость', ср. случаи **sěra* 'молозиво' и **sěra* 'вода, в которой вымыли овечью шерсть') гарантировала, в частности, для праслав. **sěra* и лат. *serum* их связь с и.-е. **ser-* 'течь', а отнюдь не древняя концентрация этих слов вокруг значения 'молоко'. Этимологическая связь лат. *serum* 'водянистая жидкость после створаживания молока, сыворотка' и родственного ему греч. ὀρός 'сыворотка' (с ионической псилозой < **soros*, с отличием вокализма) с корнем и.-е. **ser-* 'течь' (др.-инд. *sārati* 'течет, спешит', *sarāḥ* 'жидкий') давно уже представляется лингвистам очевидной⁴⁹. Обозначение смолы, смолистой жидкости (ср. соответствующие значения праслав. **sěra* в отдельных сла-

⁴⁸ Это сравнение мы встретили впервые у минской лингвистки Г. Ф. Вешторт (Г. Ф. В е ш т о р т. Да рэканструкцыі палескай назвы ма-лака. — «Беларуская лексікалогія і этымалогія (Праграма і тэзісы дакладаў міжрэспубліканскай канферэнцыі па беларускай лексікалогіі і этымалогіі, 19—23 лютага 1968 г.)». Мінск, 1968, стр. 23—24) и в статье В. В. Мартынова «Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики», публикуемой в настоящем томе «Этимологии» (см. выше). Остальные соображения названных авторов устраивают нас в меньшей степени, ср., в частности, о блр. *сырадбѣ* 'парное молоко'. Менее удовлетворительна и семантическая реконструкция, при которой праслав. **sěra* и его значения ограничиваются микрополем 'молоко', а другие значения, также весьма важные и в плане семантической эволюции этого слова и в культурном отношении, оказываются вне поля зрения исследователя. Считать, что в праслав. **sěra* представлено древнейшее славянское название молока (Г. Ф. Вешторт), нет достаточных оснований. Необходимость охарактеризовать семантическую эволюцию праслав. **sěra* во всей совокупности значений ('жир', 'смола', 'сера' и др.), а также их исходную базу с точки зрения этимологии и культурной типологии, наряду с выделением некоторых новых моментов сравнительной фонетики и морфологии, — все это и побудило нас взяться за исследование данного слова.

⁴⁹ См.: Walde², стр. 704—705; Ernout-Meillet³ II, стр. 1093—1094; J. B. Hofmann. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1949, стр. 239; Boisacq⁴, стр. 716; H. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, Lief. 15. Heidelberg, 1965, стр. 425.

вянских языках) производными от глагола 'течь' — явление естественное, ср. такие названия смолы как *цслав. текль, точеница*⁵⁰.

Обозрение прочих существующих, в том числе — старых, этимологических объяснений славянского слова **sěra* мы считаем более удобным поместить после выяснения некоторых принципиальных вопросов из области отношений славянской и некоторых явно однокоренных индоевропейских форм. В ряду сравниваемых с *sěra* выше приводится также древнеиндийское название молока *kṣīra*. Своеобразие анлаута — группа согласных — ставит последнюю форму в особое положение. Сюда же примыкают такие иранские названия молока, как осет. *axšir*, *памирск. xšir*, н.-перс. *šīr*⁵¹. Число близких форм с усложненным анлаутом может быть пополнено, причем — названиями с более широкими значениями: др.-инд. *kṣaram* 'вода', *kṣāra* 'течет, струится, растекается', авест. *γzaraiti* 'течет, вскипает'. Надо заметить, что сближение лат. *serum* и др.-инд. *kṣaram*, *kṣāra* предлагалось на правах альтернативного решения еще Бругманом, причем и сам автор и другие ученые — составители этимологических словарей воспринимали это как нечто расходящееся с обычной реконструкцией для лат. *serum* индоевропейского корня **ser-* (ср. в упомянутом словаре Вальде: «Abweichend... Brugmann»; в словаре Бузака: «autre avis chez Brugmann...»). Такое восприятие тесно связано с выдвинутой Бругманом теорией об особом индоевропейском спиранте, получившем своеобразные рефлексy в различных индоевропейских языках. К нашему случаю эта теория имеет самое прямое отношение. Например, в новом индоевропейском этимологическом словаре Покорного существует специальная статья с заглавным словом **gʰd̥er-* / **gʰd̥er-* 'течь', откуда др.-инд. *kṣāra* 'течет, струится', *kṣara-m* 'вода', авест. *γzaraiti* 'течет'⁵². В том же словаре есть статья с заглавным и.-е. **ser-* 'течь, быстро двигаться', объединяющая уже известные нам др.-инд. *sāra* 'течет, спешит', *sarā-* 'жидкий', греч. *ὀρός*, лат. *serum* 'сыворотка свернувшегося молока'⁵³. Нам думается, что реконструкция Покорного, навеянная идеями Бругмана, искусственно усложняет реальное положение дела. Оставив ее и непосредственно соотпеся, например, две засвидетельствованные формы — др.-инд. *kṣāra* и *sāra* (обоснование см. ниже), мы можем трансформировать это отношение в отношении двух индоевропейских форм: **kserati* и **serati*.

⁵⁰ См.: F. Miklosich. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*; цит. по кн.: А. Б у д и л о в и ч. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным, ч. I. Киев, 1878, стр. 122—123.

⁵¹ См. сведения о них: O. Schraeder. *Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde*. Strassburg, 1901, стр. 541—542.

⁵² P o k o r n y 1, стр. 487.

⁵³ Там же, стр. 909—910.

В последнее время вопросом о «спирантах Бругмана» подробно занимался у нас Вяч. Вс. Иванов⁵⁴. Интересно отметить, что он оспаривает не только существование спирантов типа *gh̥* и *kʰ*, как поимал их Бругман, но и наличие в индоевропейском особых согласных фонемах типа *kʰ*, которые предполагал вместо них Бенвенист. К сожалению, разбирая этот важный вопрос, Иванов оперирует слишком небольшим материалом; по сути дела, он ограничивается только индоевропейскими названиями земли и медведя. Однако и на этом ограниченном материале он приходит к очень значительному выводу. Вяч. Вс. Иванов видит в анализируемых словах не спирант Бругмана и не аффрикату Бенвениста, а соседство двух разных согласных фонем (переднеязычного смычного и задненебного). Так, греч. ἄρκτος 'медведь', хетт. *hartaggas* производится из и.-е. **ṛdkos*, где *-ko-* представляет собой суффикс. Предполагая также в нашем случае наличие форманта, мы находим, что аналогичные идеи применительно к большому числу весьма близких типологически случаев высказывались уже давно. Так, И. Схрейнен, специально изучавший вопрос, приходит в статье «Преформанты» на материале пар слов *aper:vepri̯, ilgas:dlügü, ašarà:δάκρυ, ásthi:kostī* к следующему выводу: «Я полагаю, что мне удалось показать, что, помимо преформанта *s*, в начале корня имеются еще другие подвижные компоненты, в частности *ç*, задненебный и зубной»⁵⁵. Приведенные пары соответствий позволяют автору прийти к заключению, что эти преформанты могут быть выявлены в корнях разной структуры — как с согласным, так и с гласным началом слова.

Ничто не мешает нам рассматривать аналогичным образом и уже упоминавшуюся пару др.-инд. *kšárati:sárati*, в остальном (за вычетом преформанта *k-*) тождественную по форме (ср. выше реконструкцию и.-е. **kserati:*serati*) и по значению — 'течь, струиться'. Здесь нет, во-первых, оснований решать вопрос в плане чистой фонетики, как нет, во-вторых, и видимой надобности предполагать в формах *kšárati, kšīra* и др. особый древний спирант или аффрикату, вообще — особую фонему. Подобно тому как Вяч. Вс. Иванов справедливо рассматривает свои примеры под углом зрения индоевропейской морфологии и словообразования, отводя прежние теории об особой индоевропейской фонеме в соответствующих словах, точно так же мы толкуем пару *kšárati:sárati* как морфолого-словообразовательные варианты, отказываясь от особой реконструкции *gʰd̥er-* (Покорный) для первого из них.

⁵⁴ Вяч. Вс. Иванов. Общеславянская, праславянская и анатолийская языковые системы (сравнительно-типологические очерки). М., 1965, стр. 24 сл.

⁵⁵ J. Schrijnen. Präformanten. — KZ XLII, 1909, стр. 111.

Слав. *sěra* может одинаково отражать индоевропейский анлаут **ks-* (с ранним упрощением *ks-* > *s-*, ср. раннее упрощение **pt* > *t*, чем объясняется то, что характерный переход *ks* > слав. *x* здесь не состоялся), как и еще более древний анлаут *s-*, без преформанта. Кстати, столь же двусмысленна в отношении своего древнего анлаута и латинская форма *serum*, которая может скрывать в себе и древнюю форму **kserom*, как, например, по-видимому, лат. *sitis* 'жажда' < **ksitis* в его отношении к греч. φθίσσις и др.-инд. *kṣināti* 'уничтожает'. Здесь будет нелишним упомянуть, что вопросу об и.-е. *k^s* в славянском посвятил одну из своих последних статей В. Махек⁵⁶. Он характеризует современное состояние изучения проблемы и, в частности, пишет: «... с помощью *k^s* ... передают случаи, когда, говоря кратко, в греческом представлено *kt*, а в санскрите — *kṣ*. Абсолютно достоверные случаи немногочисленны, ... например τέκτων / *tákṣan* ..., κτίσις ... : *kṣiti-* 'жилье'. То, что после бругмановских *kṣ*, *gḍ* лингвисты предпочитают теперь говорить о единой фонеме типа *k^s* (Кюни, Бевенист), автор считает прогрессом. Специально же свою статью Махек посвящает поискам начального *k^s* в славянском. Его примеры: слав. *sědlo* 'земельная собственность', ср. санскр. *kṣetra-* 'почва, земля', греч. κτίσις 'основание', авест. *ṣiti-* 'жилье'; слав. *sěнь* '(просторное) помещение', ср. греч. κτίωνᾶ 'жилье, округ', арм. *šēn* 'населенное место'; слав. *sesti* / *sedati se* 'трескаться, лопаться', ср. санскр. *kṣádate* 'разрезает, делит', греч. κτηδών, мн. κτηδώνες 'осколки дерева, шерстинки, волокна'. Заключение автора: «Трактовка *k^s* отлична от **ks* (т. е. от *k*, за которым следует действительное *s*; в последнем случае получилось бы *x* перед *a*, *o*, *u*, *y*, *ъ* и *š* — перед *e*, *ě*, *i*, *ь*), но эта трактовка совпадает с судьбой *k̂* (= *k* «палатального») ... Ясно, что в славянском *k̂* и *k^s* подверглись смешению». Говоря преимущественно о начальном и.-е. *k^s* в славянском, Махек, таким образом, коснулся непосредственно нас интересующего вопроса. Однако констатация начального *ks*, которую предпочитаем мы, не повторяя здесь аргументов и словесных пар, уже приведенных выше, разумется, еще не означает неизбежности развития *x* в славянском; этот вопрос теснейшим образом связан с относительной хронологией славянских и дославянских звуковых процессов. Что же касается слов, этимологизируемых Махеком в этой статье, то нам кажется, что они могут быть объяснены иначе.

Старые и новые этимологические толкования славянского слова *sěra* объединяет такая общая черта, как семантическая неполнота славянских данных: этимологизируя слово *sěra*, обычно

⁵⁶ V. Machek. Mots slaves à *k^s* indo-européen. — «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz». Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 192 сл.

имеют в виду значение 'sulfur, сера', удивительным образом оставляя без внимания все прочие (чрезвычайно многочисленные и разнообразные, как мы стремились показать выше) значения этого слова. Иногда делается исключение для значения 'молозиво' у польского соответствия, но и оно только упоминается и остается неиспользованным в общей связи (см., например, у Брюкнера и Махека). Любопытно, что свежая попытка рассмотреть слав. *sěra*, так сказать, с другого конца его семантического спектра, выделив значение 'молозиво' (см. выше Вешторг, Мартынов), привела в свою очередь к тому, что в положении игнорируемого оказалось значение 'сера, смола'. Не говорит ли это о том, что исследователи интуитивно склонны видеть здесь по меньшей мере два разных слова **sěra*? В настоящей заметке мы стремимся показать, что наука имеет здесь дело с одним чрезвычайно емким словом, проделавшим богатую эволюцию, отдельные этапы которой, несмотря на разную степень их относительной древности, хорошо сохранились в живых свидетельствах разных славянских языков. Изучить слово во всей совокупности его семантического содержания очень важно для его этимологии, потому что первоначальный семантический признак слова, устанавливаемый этимологически, должен так или иначе объяснять все существенные значения слова. Если этимология, объясняя одни значения, не объясняет или вступает в противоречие с другими значениями многозначного слова, то это может служить сигналом ошибочности этимологии. В нашем случае с относительно давнего времени при ограниченном учете значений (обычно принималось во внимание только 'sulfur, сера') праслав. **sěra* производили обычно от прилагательного *sěръ* 'glaucus, серый'⁵⁷. Ясно, что, если мы будем серьезно считаться со всеми известными нам значениями слова *sěra*, то этимологизация «по цвету» отпадет как неудовлетворительная. «Лимонно-желтый», т. е. «светлый», цвет химической, минеральной серы еще можно было бы как-то с натяжкой примирить с содержанием цветообозначения 'серый', но значение 'sulfur, сера' как раз не может быть признано древнейшим у слав. *sěra*. Ему, несомненно, предшествовало более широкое значение 'смола (горная, древесная)', а здесь реалии представляли уже такое разнообразие цветов и их оттенков — от светлого до темного, что однозначная цветовая этимология окончательно утрачивает убедительность (см. ниже подробнее о плане реалий). Формально-фонетические моменты, контролируя этимологию, тоже устанавливают ошибочность толкования от цветообозначения, но здесь это играет, по нашему мнению, скорее вспомогательную

⁵⁷ Miklosich, стр. 295; А. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян. Часть I. Рассмотрение существительных, относящихся к естествознанию. Киев, 1878, стр. 55—56, 292.

роль. Так, например, совершенно очевидно, что упоминаемое цветообозначение цслав. **сѣръ**, словен. *šer*, русск. *сѣрый*, укр. *сірий*, польск. *szary*, чеш. *šerý*, н.-луж. *šery* может быть объяснено только из корня с дифтонгом *oi* и начальным согласным *x*-, который, возможно, продолжает дославянское **skoiro-*, ср. гот. *skeirs* 'ясный'⁵⁸. Слав. *šera* имеет, во-первых, совершенно отличный консонантизм (исконное *s-*), а во-вторых, характеризуется наличием долгого гласного *ē* (а не дифтонга), ср. сербохорв. *сјѣра*, русск. *сѣра*. Сознание этих древних различий между названием цвета и названием серы заставляет современных этимологов отказаться от мысли о родстве слов *сѣрый* и *сера*⁵⁹. Дальнейшие суждения ученых носят, однако, как правило, характер неуверенных догадок. Махек признает слав. *šera* неясным, практически таково же мнение Фасмера, который даже поднимает вопрос о заимствованном происхождении слова (к чему вернемся несколько далее). Статья *сѣра* в этимологическом словаре Младенова очень эклектична, поскольку это слово относится там и к тур. *sary* 'желтый' («арийско-алтайский корень») и к цветообозначениям русск. *сѣрый*, польск. *szary*, чеш. *šerý*, словен. *šer*, сербохорв. *sjer*, лтш. *sērs*, санскр. *sārā-s* 'пестрый, разноцветный', англосакс. *hār* 'серый' и, наконец, в очень необязательной форме, мимоходом — к и.-е. **ser-*, санскр. *sārati*, лат. *serum*⁶⁰. Таким образом, уже у Младенова, по сути дела, представлено, хотя и весьма сбивчиво, столь заинтересовавшее нас сравнение слав. *šera* и лат. *serum*. Однако устранены еще не все формальные препятствия, стоящие на пути принятия исконно индоевропейской этимологии слав. *šera*, в основном уже изложенной выше. Фасмер в своем этимологическом словаре пишет следующее: «Неясно отношение **šera* к др.-русск. *цѣръ* 'сера' (Пов. врем. лет под 946 г.), которое хотел связать с ним уже Миклошич EW 295. Колебание в начале слов, возможно, объясняется заимствованием»⁶¹. Речь идет о том месте летописи, где рассказывает: Волга же раздѣла воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ комуждо голуби и къ воробьеви привазывати цѣръ, ѡбертывающе въ платки малы, нитъкою поверзываютъ къ коемуждо ихъ. — Перед нами знаменитый летописный рассказ о хитроумной мести

⁵⁸ Ср., например: А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 80; A. V a i l l a n t. Grammaire comparée des langues slaves, I, стр. 50; см. еще: Н. Петерссон. Einige Tier- und Pflanzennamen aus indogermanischen Sprachen. — KZ XLVI, 1914, стр. 128 сл.; W. P r e l l w i t z. — BB XXX, 1906, стр. 176; В. Ыор. Etyma balto-slavica, IV. — «Slavistična Revija» 12, 1959—1960, стр. 178—181; W. B e l a r d i. *Axš-aina-, axša-ina- o axšai-na-?* — AION 1961, стр. 35, прим. 2.

⁵⁹ V a s m e r II, стр. 611; M a c h e k, стр. 445.

⁶⁰ Младенов, стр. 626 (*сѣра*), 578 (*сѣрей, сер, сери, Серава*). — Как видим, Младенов первым из этимологов включил в круг относящихся сюда форм название жира на шерсти овец (болг. *сѣрей*).

⁶¹ V a s m e r II, стр. 611.

княгини Ольги древлянам. Его содержание общеизвестно и, казалось бы, ясно вплоть до деталей, тем не менее центральный момент, важный с разных точек зрения, остается недостаточно ясным. Мы имеем в виду значение слова *цѣрь*. Срезневский толкует его уверенно как 'сера' ⁶². Проверить это утверждение сличением с другими примерами употребления слова практически невозможно, так как в древней письменности данное слово встречается только один раз в приведенном контексте ⁶³. Слово *цѣрь* m. 'sulfur, uti explicatur in lex. acad.', т. е. 'сера, как объясняется в словаре Академии', приводит и Миклошич в своем «Старославянско-греческо-латинском словаре» ⁶⁴, создавая тем самым иллюзию принадлежности этого слова к старославянскому словарному составу, но в распоряжении у Миклошича был все тот же один пример из русской летописи. Карамзин, толкуя это место летописного рассказа, говорит, что Ольга распорядилась привязать к голубям и воробьям т р у т с е р о й. Как бы то ни было, форма слова *цѣрь* продолжает оставаться загадочной, резко отличной от слова *сѣра* и, обладая такими внешними особенностями, как наличие *ц* перед *ѣ*, может давать повод для весьма отличных реконструкций или этимологий, что делает понятной реакцию Фасмера на различие в анлауте между *сѣра* и *цѣрь* (см. выше).

Дальнейшие поиски в древнерусских лексических материалах не дают желаемых результатов. Можно упомянуть пример из библии Геннадия, который, однако, при более пристальном рассмотрении сюда не относится: и ѿсѣгавшим оумножатъѣ на земли. и еще на ней еста десятины полжина. и пакы вѣдетъ на събраніе акы *церь*. и желать егда испадетъ ис пакы своа ⁶⁵. Выделенное в цитате место отвечает словам греческого текста библии *ὡς τερέβινθος καὶ ὡς βάλανος*. При этом слово *церь* (чаще *церь*, см. Срезневский, Материалы, т. III, стб. 1439) выступает в роли названия дерева, разновидности дуба, которое заимствовано из лат. *cerrus*. Местами слово *церь* (*церь*) употребляется для передачи греч. *τερέβινθος* 'терпентинное дерево *Pistacia terebinthus*', как и в цитированном нами месте древнерусского перевода библии. Др.-русск. *цѣрь* 'сера?' продолжает, таким образом, по-прежнему оставаться особняком в древнерусском словаре, как и среди лексики церковнославянской письменности в целом. Обращаясь к показаниям живых славянских языков, мы натал-

⁶² Срезневский III, стб. 1460.

⁶³ Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (Институт русского языка АН СССР) знает опять-таки один уже известный нам пример в том же контексте: . . . и къ воробѣви привязати цѣрь. . . (Лаврентьевская летопись 1377, л. 16 об., под 946 г.).

⁶⁴ F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, стр. 1108.

⁶⁵ Геннад. биб. 1499 г. Ис. VI, 12—13. Цит. по картотеке Малого словаря древнерусского языка XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР).

киваемся на любопытное слово *цир* м. в значении 'сера горячая' в первом словаре украинского языка нового времени Белецкого-Носенко⁶⁶. Автор относит эту форму к живому укр. *сірка* 'сера', однако тут же указывает тот единственный источник, из которого он почерпнул это якобы украинское *цир*, — «у преподобного Нестора». После этого признания форма *цир* (собственно *цир*) со всеми ее живыми, народными чертами оказывается в наших глазах не более как аккомодацией летописного древнерусского *цѣрь*, полученного книжным путем.

Несколько неожиданное подтверждение реальности единичного летописного *цѣрь* мы получаем из лексических материалов по современным живым русским народным говорам, ср. русск. диал. смол. *церь* м. 'наплывы смолы на дереве'⁶⁷. Это важнейшее свидетельство помогает решить положительно проблему подлинности летописного *пахъ*'а *цѣрь*, одновременно прямо указывая на народный восточнославянский характер слова, а также его своеобразной фонетической формы. Лексическое значение смоленского диалектизма — 'наплывы смолы на дереве' — дает, как кажется, возможность предпринять уточнения и в отношении лексического значения др.-русс. *цѣрь*, которое тоже, видимо, обозначало не серу и не «серяную нитку» (как толкует древнее слово, опять-таки на основании того же летописного примера, Даль), а, возможно, насохший наплыв смолы на стволе дерева или напоминающую его древесную губку (аналогию восприятия 'губка' < 'наплыв, натек' ср. в нем. *Schwamm* 'губка': *schwimmen* 'плыть, плавать'), трутовик, вырастающий на древесном стволе. В соответствующем эпизоде летописного рассказа реальнее всего представить себе, что именно тлеющий трут завертывался в платочки и нитками привязывался к птицам.

В итоге мы получили диахроническое тождество форм др.-русс. *цѣрь*=русс. диал. (смол.) *церь*. Но, решив одни задачи (вопрос подлинности древнерусского слова, его народнодиалектная основа и реальное значение), мы пока вынуждены признать, что на данном этапе еще не преодолена основная трудность, поскольку неизвестна еще собственная этимология слова *цѣрь* и его отношение к слав. *sěra*. На первый взгляд может даже показаться, что предыдущие наши уточнения привели к тому, что *цѣрь*, видимо, не означавшее буквально 'сера', удалилось от слова *сѣра* 'sulfur и т. д.' Но получаемая семантическая дистанция ('наплыв, нарост на дереве' — 'sulfur, сера') сама по себе вовсе не знаменует семантической неродственности, напротив, как одно из проявлений редкой полисемантической в общем

⁶⁶ П. Білецький - Носенко. Словник української мови. Підготував до видання В. В. Німчук. Київ, 1966, стр. 382.

⁶⁷ А. И. Иванова, М. А. Кустарева, Б. А. Моисеев. Материалы для «Смоленского областного словаря». — «Уч. зап. Смоленского пед. ин-та», вып. IX. Кафедра русского языка. Смоленск, 1958, стр. 152.

укладывается в шкалу семантического спектра слова *sěra* ('древесная смола' — 'сера' и т. д., см. выше). Не видя, таким образом, препятствий к семантическому сближению слов *цѣбрь* и *сбра*, мы должны будем целиком сосредоточиться на их необычном фонетическом различии, от выяснения природы которого единственно зависит собственная этимология формы *цѣбрь*. Конечно, при любом состоянии наших сведений было бы неправильно закрывать глаза на значительную внешнюю близость *цѣбрь* и *сбра*, при их семантической близости, выявленной выше. Однако различие анлаутов *ц-* : *с-* настолько существенно, а известные источники образования *ц* перед *ѣ* настолько отличны от *с-*, что без достаточных оснований вопрос об особом происхождении или даже иноязычном заимствовании не может быть снят или обойден молчанием. Русские народные говоры обнаруживают ряд случаев перехода *с-* > *ц-* в начале слова перед гласным. Минутая такие из этих случаев, которые требуют оговорок или допускают иное толкование (вятск. *черп* 'серп' [Даль ³ IV, стр. 1322]; череповецк. *цепить* 'сыпать' [Герасимов], где *ц-* могло явиться результатом вторичного переразложения приставочного **от-сы-пить*), остановимся подробнее на двух примерах, интересных к тому же своей принадлежностью к смоленским областным говорам: *цуглѣй* (тверск., смоленск.) 'глина' ⁶⁸ < **суглей*, ср. *суглинок*; *цѣбуха* 'верхняя часть печи' ⁶⁹ < *сопуха*, также известного из диалектов. Второй пример представляет собой достаточно древнее именное образование, судя по близким или тождественным названиям дымохода в других славянских языках, ср. чеш. *sopouch*, ст.-чеш. *sopúch*, диал. *sorbŃch*, *sopuch*, словц. *sopúch*, польск. *sopich*, *sopucha*, укр. *сѣпѣх*. Особенно для нас важно здесь то обстоятельство, что аналогичный русскому диалектному переходу начального *s-* > *с-* широко представлен также в чешских народных формах данного слова: *сарич*, *сарouch*, *сорouch* и т. д.⁷⁰ Это дает нам право смотреть на переход *s-* > *с-* в начальной позиции перед гласным в условиях, которые пока не поддаются более близкому определению (возможно, экспрессивность употребления, приводящая к усилению начального согласного *s* > *с*, т. е. *ts-*), как на славянский фонетический процесс. Допущение экспрессивного момента сообщает этому явлению черты ахронии, что, с другой стороны, означает возможность его осуществления как в современных народных диалектах, так и в древнюю эпоху. География явления (которую мы, правда, не имели возможности изучить здесь сколько-нибудь полно) не позволяет предположить, скажем, дорусское субстратное происхождение.

⁶⁸ Опыт, стр. 252.

⁶⁹ В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь, стр. 972. — Указанием на русск. диал. *цѣбуха*, *цуглѣй*, *цепить*, *черп* я обязан В. А. Меркуловой.

⁷⁰ См. эти и другие примеры: М а с h e k, стр. 464.

Все вышеизложенное означает в нашем случае, что др.-русск. *цѣрь* произошло из **сѣрь*, близко родственного изучаемому нами слав. *sěra*. Вероятность такого толкования слова *цѣрь* повышается тем, что мы фактически можем трактовать форму **сѣрь* как реальное слово, а не как абстрактную реконструкцию. Мы имеем в виду слав. *сѣръ* м. 'ερυσίβη, rubigo'⁷¹, т. е. 'ржавчина (на ржи), медвяная роса', а также сербохорв. *sljer* м. 'slatka rosa, koja pada po drveću i biļu... medlika, što pada u proleće na lipu, a u jesen na vrjies... (Mehltaupilze, erysiphe)'⁷². Попутно заметим, что акцентная характеристика последней формы также говорит о ее близости к слав. *sěra* (ср. сербохорв. *sljer* при упоминавшемся выше акцентологически тождественном *сјѣра*), а не цветообозначению *сѣръ*, несмотря на такие обозначения-синонимы, как русск. *ржавчина*, лат. *rubigo*, греч. *ερυσίβη* (по цвету). Здесь нелишним кажется краткое ознакомление с сущностью природного явления,носящего название *медвяная роса*, и близкими феноменами, в чем нам помогут сообщения исследователей народного быта и специальные информации из области биологии растений. «*Медвяная* или *медвяная роса*, болезнь растений, причем они покрываются сладковатым, липким потом, который обращается в ржавчину; нападает особенно при наливе хлебов на рожь, и колос гибнет. Медовая падь, мох, который любят пчелы»⁷³. «*Помох*, м. [русск. диал., вятск.] Как говорят: „падает на хлеб медвяная роса“, преимущественно на яровое. Эта-то медвяная роса и есть „помох“. Хотя после помоха хлеб и идет в рост, но колос, метелка остаются пустыми»⁷⁴. «*Медвяная роса (падь)* — сладкие выделения на листьях многих растений, появляющиеся в результате жизнедеятельности тлей, червецов и других насекомых, питающихся соками растений. Иногда м. р. бывает чисто растительного происхождения (напр., на листьях боярышника и дуба). Выделения тлей скапливаются на листьях в виде прозрачных сладких капель. В их состав входят... спирты, декстринообразные вещества, азотистые вещества, минеральные соли. Эти выделения впоследствии часто заселяются сапрофитными микроскопическими грибами почти черного цвета. Падевый мед из м. р. вызывает у зимующих пчел понос, приводящий их к гибели. М. р. называют также конидиальную стадию заболевания злаков спорыньей (*Claviceps purpurea*), сопровождающуюся выделением на цветках сахаристой жидкости»⁷⁵. «*Мильдью* (англ. mildew), ложная мучнистая роса винограда, — опасная болезнь виноградной лозы. Вызывается грибом (*Plasmopara viticola*). . . Пер-

⁷¹ F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, стр. 972; Срезневский III, стб. 899.

⁷² RJA, XIV d. Zagreb, 1955, стр. 917.

⁷³ Даль² II, стр. 313.

⁷⁴ Васнецов, стр. 233.

⁷⁵ БСЭ², т. 26, стр. 610.

воначально болезнь появляется на листьях в виде желтоватых „маслянистых“ пятен, которые затем покрывают весь лист. С нижней стороны листа на пятнах образуется белый мучнистый налет (органы спороношения гриба — конидиеносцы с конидиями)...»⁷⁶.

Слав. **sěrb* '(болезнетворные) выпоты, пятна, грибковые наросты' родственно слову **sěra* и формально и семантически. Разнообразная конкретная семантика этих двух форм, как и разных конкретных живых продолжений праслав. **sěra*, совершенно непротиворечиво укладывается в общее первоначальное значение исходного **sěr-* 'течь, жидкость, маслянистая, жирная жидкость'. Однако ввиду исключительной сложности случая важно показать там, где это осуществимо, диахроническую иерархию разных значений слова **sěra*. О наличии такой иерархии, о различной степени древности разных значений этого слова мы уже коротко упоминали выше. На этом целесообразно задержаться специально, поскольку эти факты интересны и для языкознания, этимологии, и для культурной истории. Мы можем утверждать, что значение 'смола' развилось вторично из значения 'жир (на шерсти овец)', а значение 'сера, sulfur' производно от значения 'смола' или вместе с последним восходит к значению 'жир'. Не настаивая на универсализации этих семантико-этимологических наблюдений, мы вместе с тем укажем, что они распространяются, помимо семейства **sěra*, еще на ряд этимологически неродственных примеров.

В греческом жиропот овец, жир с грязью на нестриженной овечьей волне носил названия *οἶσπη* f., *οἶσπότη* f., *οἶσπη* f., *οἶσπος* m.⁷⁷ Интересно отметить, что в форме *τὸ οἶσπον* n. это слово обозначало ладан, как о том свидетельствует Плиний⁷⁸. Этимологически *οἶσπον*, *οἶσπη* может быть связано только с названием овцы и производится из **δFt-σόπη*⁷⁹, что говорит в пользу безусловной первичности значения 'жир на шерсти овец' и вторичности значения 'ладан'. Кстати, о ладане: «*Ладан* или *ладон* — два вида смол: I) л. *обыкновенный* — *Olibanum*, представляет высушенный сок многих растений сем. *Burseraceae* (*Boswellia Carterii*, *B. serrata* и др.), растущих в вост. Африке, в земле Сомали и проч. . . . Отборный л. представляет круглые или продолговатые куски, подобные каплям, светложелтые или розоватые, с восковым блеском; сверху они обыкновенно покрыты пылью от трения друг о друга, обладают приятным бальзамным запахом и бальзамным горьким, острым вкусом; при растирании обращается в порошок белого цвета. Простой сорт представляет менее чистые, более крупные и темные куски. II) . . . при растирании

⁷⁶ Там же, т. 27, стр. 489.

⁷⁷ H. G. Liddell and R. Scott. A Greek-English lexicon. A new ed., vol. II. Oxford [б. г.], стр. 1210.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 14. Heidelberg, 1963, стр. 370.

с водой образует эмульсию, при нагревании размягчается, не плавясь и распространяя при этом сильный приятный, бальзамический запах, при дальнейшем нагревании загорается и горит сильно коптящим пламенем. Состав: 1) камедь, около 30%, 2) смола — 56%. . . , 3) эфирное масло. . . , 4) горькие вещества, минер. и проч. Употребляется л., главным образом, для воскуривания при религиозных обрядах и в медицине при изготовлении некоторых пластырей, зубных паст, эликсиров. . . ; II) *Л. росный* — Benzoe, получается из надрезов коры растущего на о-вах Суматра, Ява и Борнео, а также в Сиаме невысокого дерева *Styrax Benzoin* (сем. *Styracaceae*). . . Сиамский росный л. (в слезках) представляет светлые желтовато-розовые плоские куски от 1 до 5 см. длиною, при 5—8 мм. толщины, очень хрупкие, чрезвычайно приятного. . . запаха. . . При 75—90° Ц. плавится, образуя прозрачную, бесцветную жидкость. . . Суматрский росный л., Benzoe Sumatra, представляет похожую на мрамор серо-бурую, хрупкую, блестящую массу, в которую вкраплены молочнобелые зерна, наподобие миндалин. . . Состав: 1) бензойная кислота. . . , 2) коричная кислота. . . , 3) бензиловый эфир. . . , 4) коричный эфир. . . , 5) стирол. . . , 6) ванилин, 7) смола, до 80%. . . , 8) минеральные и посторонние вещи, немного. . . Употребляется росный л., благодаря своему приятному запаху, в медицине и парфюмерии. . . »⁸⁰.

Значит, переход значений 'жиропот овец' > 'смолистое вещество' может считаться документированным. Как формировались термины для обозначения серы в разных языках? Индоевропейские языки знают некоторые довольно древние по своему образованию названия серы. Таковы в германском гот. *swibls*, др.-в.-нем. *swēbal*, соврем. нем. *Schwefel*, англос. *swefl*. В латинском сера называлась с древнего времени *sulpur*, в другом древнем италийском диалекте — сабинском — сера носила особое название *nar*, ср. и тождественный гидроним *Nar*, там же⁸¹. Обратимся к этимологии этих синонимов. В словаре Покорного на базе германских и латинского слов реконструируется и.-е. **suelplo-s* 'сера'⁸². При этом говорится (очень кратко) о народноэтимологическом влиянии на эту форму со стороны основы **suel-* 2 'палить, жечь'. Оставаясь последовательными и снимая это вторичное наслоение, мы получим первоначальное **sļp-l-o-s*, которое лежит в основе германского и латинского слова для серы. Нам кажется очевидным родство и даже тождество реконструированного и.-е. **sļplo-s* и др.-инд. *syprá-* 'смазанный маслом', а также далее — др.-инд. *sarpís-* ср. 'коровье масло, топленый жир', греч. ἔλπος ἔλαιον,

⁸⁰ «Новый энциклопедический словарь» Акд. Общ-ва Брокгауз—Ефрон, т. 23. Пг. [б. г.], стб. 883—884.

⁸¹ O. Schradeg. Указ. соч., стр. 745.

⁸² Pокорнy I, стр. 1046.

στέαρ (Гесихий), алб. *gjalp* 'коровье масло', др.-в.-нем. *salba*, соврем. нем. *Salbe* 'мазь', тох. А *šälyp*, В *šalype* 'жир, масло', которые все объединяются вокруг и.-е. **selp-* 'жир, масло'. Менее ясно этимологически сабин. *nar* 'сера', однако и здесь бросается в глаза возможность явной корневой этимологической связи с основой **ner-*, выступающей в ряде старых европейских названий проточных вод, рек. Покорный приводит гидронимы др.-прусс. *Narus*, лит. *Nār-upė*, иллир. *Νάρων*, русск. *Неретва*, далее — аппеллативные лексемы лит. *nėrti*, ст.-слав. *ньрж, ньръти*⁸³. В основе всех этих слов лежит, конечно, идея жидкости (и погружения в жидкость). Отсутствующее в данном перечне речное название *Nar* из древней Италии Шрадер связывал с сабин. *nar* 'сера', объясняя гидроним как название сернистой воды, реки, но, вероятно, связь была обратной — 'сера' < 'жидкость', подобно тому как слав. *sěra* 'sulfur' < '(маслянистая) жидкость' и и.-е. **sjplo-s* 'сера' < 'жирный, маслянистый'.

На вычленение значения 'сера' из более широкого древнего 'смолистая, жирная жидкость' указывают самые различные факты: данные языка, старые представления, наконец, научные сведения по технологии добывания и по химии серы. Так, в церковнославянских текстах *сѣра* выступает, помимо значения 'θεῖον, sulfur, сера', также в значении 'ἄσφαλτος, bitumen', т. е. 'горная смола'. По данным словаря Линде, старинные польские сочинения XVIII в. о полезных ископаемых характеризуют серу как «жирную земную смолу» (см. выше). Донаучные представления, отразившиеся на формировании народной терминологии, находят объяснение и оправдание также с позиции современных научных сведений о сере. Из специальных исследований мы узнаем, что «обычно осадочные месторождения серы имеют пластовую или линзообразно-пластовую форму, располагаясь вблизи месторождений нефти или скоплений каких-либо битумов»⁸⁴. Ср. также далее: «Сера встречается в природе в соединении с другими химическими элементами, а также в чистом виде. Сера отличается резко выраженным полиморфизмом. Однако у всех разновидностей серы в условиях земной коры... устойчивой формой является α-сера... Цвет α-серы обычно соломенно-желтый, но в зависимости от примесей (чаще всего битумов) изменяется до желто-бурого, коричневого и почти черного»⁸⁵.

Таков путь, проделанный словом *sěra* к значению 'sulfur' в различных живых славянских языках. Это последнее значение выделилось и определилось в общем достаточно четко, несмотря на наличие и здесь (как и в плане химических реалий) разного

⁸³ Там же, стр. 765—766. Сабинского названия серы Покорный в этой связи не упоминает.

⁸⁴ М. А. Менковский. Природная сера. М.—Л., 1949, стр. 10.

⁸⁵ Там же, стр. 29.

рода более древних «примесей», уводящих исследователя к истокам формирования значения и термина. В новых условиях носители живого языка, при их естественном незнании истории развития слов и их значений, могут неизбежно представлять себе соотношение отдельных значений совсем иначе. При этом может сказываться доминирующая роль вторичного значения 'сера, sulfur'. Возможно, таким примером служит русск. *сера* 'жирное густое вещество желтого цвета, образующееся в ушной раковине'. В ушной сере присутствует и сера химическая (sulfur), подобно тому как она присутствует в о в с е м ж и в о м о р г а н и з м е и его выделениях, в частности в слюне, желудочном соке, молоке, моче. Можно ли считать, что ушная сера, или ушная пробка, куда входят, помимо органической серы, также выделения потовых и сальных желез⁸⁶, называется с е р о й потому, что заключает в себе вещество sulfur? — Очевидно, нет. В случае с ушной серой перед нами предстает снова реликт древнего значения и употребления слова *сера* вообще — 'жирная, маслянистая жидкость'. Элементы этого исходного пражначения сохраняют и польск. *siara* 'молозиво, первое молоко после отела, после родов' и приводимое Далем русск. *серянка* 'первый поток смолы', что сближает их с лат. *serum* 'сыворотка'.

Сравнение **sěra* : *serum* интересовало нас до сих пор главным образом в плане семантическом и фонетическом. Мы не считаем, что нам удалось добиться полной ясности в названных планах; в частности, не совсем ясна функция долготы славянского корневого гласного, хотя самый факт наличия продления корневого вокализма в славянском не вызывает особого удивления, поскольку аналогии здесь известны. Более перспективно изучение морфологической сущности отношений слав. **sěra* и лат. *serum*. Ведь совершенно очевидно, что славянская форма соответствует, строго говоря, не лат. *serum*, а его множественному числу — лат. **sera*. Лишь в этом последнем случае тождество будет практически полным (слав. **sěra* = лат. **sera*), с той существенной оговоркой, что члены этой пары различаются по грамматической функции, так как это есть тождество славянской формы единственного числа и латинской формы множественного числа. При этом со славянской стороны представлено единственное число женского рода, а с латинской стороны — множественное число среднего рода. Казалось, можно было бы уже считать, что этимологическое содержание случая *sěra* : *serum* исчерпано, а их различия, в частности слав. -*a* : лат. -*um*, сводятся к незначительным моментам формообразования, которыми можно пренебречь как несущественными. Но внимательное изучение убедит-

⁸⁶ Ср. БСЭ², т. 38, 1955, стр. 535 сл.; БМЭ, т. 29 (:Узо). Кратко изложенными здесь сведениями о сере в организме я обязан своему отцу врачу Н. М. Трубачеву.

тельно показывает, что и в этом примере, как и во многих других, второстепенные детали формы сохраняют подчас память о принципиально важных отношениях. Во всяком случае пример отношений слав. **sěra* : лат. *serum*, как нам кажется, наглядно показывает недопустимость поспешных выводов, а заодно демонстрирует и всю сложность проблематики.

Собственно говоря, придя к определению тождества слав. **sěra*, ед. ч. ж. р., = лат. **sera*, мн. ч. с. р. р., мы фактически тем самым назвали интересующую нас проблему сравнительной морфологии. Ее содержание отнюдь не исчерпывается этой парой слов, как увидим далее, хотя здесь оно наблюдается наиболее четко, а сам пример изучается нами достаточно подробно, почему представилось удобным поместить его в центре исследования затронутой проблемы. Существительное женского рода **sěra* фигурирует в славянском как непроемная форма, исходная, основная для разных словоизменительных, морфологических форм этого слова. В этом смысле положение имени **sěra* среди прочих основ на *-a* в славянском вполне типично. Увидеть неизначальность такого состояния позволяют лишь внешние данные, в первую очередь — родственная латинская форма. Вторичность, производность лат. **sera* (форма множественного числа от существительного среднего рода *serum*) показывает, что положение в славянском — это результат эволюции каких-то более древних отношений.

Мы уже заметили выше, что слав. **sěra* представляет собой типичную славянскую основу на *-a*. Значит, вопрос об оформлении конца основы **sěra* нельзя решить в отрыве от судьбы других славянских *-a*-основ. Обратимся к литературе по сравнительной грамматике славянских языков. Миклошич, собравший в первом капитальном труде по этой области языкознания огромный фактический материал о славянских именных основах и суффиксальных типах имен, об именной флексии⁸⁷, к сожалению, еще не ставит вопроса о генезисе славянских именных основ на индоевропейском фоне. Практически ничего по интересующему нас здесь вопросу мы не находим и у Вондрака, который, говоря об образовании именных основ, выделяет, в частности, основы на *-a* в виде раздела «Суффикс *-a*», где речь идет о праязыковом *-ā*, часто служившем приметой женского рода (в противоположность мужскому, сконцентрировавшему свои образования вокруг типа на *-o*)⁸⁸. Вондрак уделяет, далее, внимание корневому аблауту имен на *-a* в их отношении к другим типам именных основ, а также к глагольным основам. Несколько больше

⁸⁷ F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 2. Bd. Stammbildungslehre. Wien, 1875; 3. Bd. Wortbildungslehre. Zweite Ausgabe. Wien, 1876.

⁸⁸ W. V o n d r á k. Vergleichende slavische Grammatik. I. Bd. Lautlehre und Stammbildungslehre. Göttingen, 1906, стр. 398 сл.

дает «Праславянская грамматика» Ильинского, ср. в ней специальный параграф 244: «Трансформация корней-основ», где автор пишет: «Весьма значительное число корней-основ превратилось в основы на *-a-*: *jucha* <иде. **iōus-*, ср. лат. *jus*, др.-инд. *yūš*; **serda* <иде. **křd-*, ср. лат. *cor...*; *noga* <иде. **nogh-*, ср. греч. *ὄνοξ...*, лат. *unguis*; *voda* <иде. **uodōʹ*/*u-*...»⁸⁹. Далее, там же, в гл. XLV («Основы на *-ā-*, *-iā-* и *-i-*») упоминается, помимо возможности происхождения конечного *-ā* из расширения корней-основ (см. выше), еще следующее: «Весьма многочисленный в праславянском языке класс имен на *-ā-* состоит, главным образом, из потомков индоевропейских односложных и двусложных баз на *-ā-*. Так, напр., *тъма* возникла из базы **temā-*, *сова* — из **kēyā-* ‘кричать’, *корā* — из **kerā-* ‘резать’ и т. д.» Мы не собираемся здесь обсуждать одинаково подробно все мысли Ильинского насчет происхождения славянских *-a*-основ, но нельзя не отметить как положительный факт, что у него имеется вполне осознанное стремление выяснить индоевропейские истоки этого типа славянских именных основ и собственная теория о происхождении отдельных групп имен на *-a* в славянском. Мейе также обращает внимание на то, что, например, от корневого атематического и.-е. **kerd-* произошло, с одной стороны, производное ст.-слав. *сръдъце*, а с другой стороны, — ст.-слав. *сръда*, правда, он никак не комментирует этот последний случай. Говоря об именном суффиксе *-ā-* как формативе женского рода, Мейе отмечает значение этого суффикса для образования производных от существующих имен, главным образом для образования прилагательных. В соответствующем разделе своей известной книги об общеславянском языке Мейе выделяет, по сути дела, два существенных эпизода в истории *-ā*-основ в славянском и индоевропейском: отмеченное уже на примере *сръда* распространение с помощью *-ā-* старых нетематических корневых имен, куда он еще относит ст.-слав. *вода* и *тъма* (см. иначе о последнем Ильинский, выше), и перевод *o*-основ женского рода в *-a*-основы, ср. и.-е. **snuso-* > *снъха*, и.-е. **bherəgo-* > **berza*⁹⁰. Вайян, обратившийся к этому вопросу позже Мейе, ограничивается лишь несколькими словами по этому поводу: «Тип на *-ā-* представляет собой суффиксальный тип, который служил для характеристики женского рода в отношении основ на *-o-* и который, с другой стороны, давал именительный-винительный падеж множественного числа среднего рода на *-o...*»⁹¹. Характеристика, даваемая Вайяном, охватывает основные интересующие нас здесь категории (женский род на *-a* и множественное число среднего рода

⁸⁹ Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика, стр. 306, 349 сл.

⁹⁰ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 273, 276, 278.

⁹¹ A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. T. II. Morphologie, Première partie: flexion nominale. Lyon—Paris, 1958, стр. 79.

на -а), но подобное статическое перечисление едва ли может дать правильную идею о связи форм. Нахтигал ничего не говорит о генезисе славянского типа на -а, а подбор примеров у него ограничивается случаями совпадения \bar{a} -основ женского (и мужского) рода в славянском и других индоевропейских вроде слав. *mьgla*: греч. $\delta\mu\acute{\iota}\chi\lambda\eta$ и др.⁹² В посмертно опубликованной последней части «Праславянской грамматики» Микколы проводится не вполне явствующее из материала разграничение \bar{a} -основ на первичные и вторичные, причем к первичным \bar{a} -основам отнесены слав. *voda*, *žena*, *struga* 'струя', *sluga*, а к вторичным — *snъxa*, **voldyka*, **orkyta*⁹³.

Итак, резюмируя современное состояние вопроса в славистической науке, мы можем сказать, что тип основ на -а, кроме большого числа собственно славянских новообразований, которые, так сказать, не имеют индоевропейского прошлого и в которых мы имеем дело с вторичной, местной продуктивностью типа на -а, включает также некоторое количество дославянских, индоевропейских именных образований на -а. Часть последних составляют случаи, грамматическая характеристика которых практически не подверглась изменению: и.-е. **mǐghlā*, ед. ч. ж. р., > греч. $\delta\mu\acute{\iota}\chi\lambda\eta$, слав. *mьgla*, ед. ч. ж. р. В то же время существует еще некоторое количество случаев, уточнением или инвентаризацией которых славистика как будто специально не занималась и относительно которых известно, что они представляют собой расширение более древних нетематических корней-основ или получены в результате перехода более древних основ другого типа в \bar{a} -основы. Само собой понятно, что такие квалификации, как «расширение», «переход», «перевод», еще ничего не объясняют, и прежде всего не отвечают на вопрос, почему и.-е. **serom* отразилось в виде слав. **sěra*, а и.-е. **kerd-* перешло в слав. **serda*.

Между тем в сравнительной индоевропеистике уже давно была предпринята серьезная попытка выяснить интересующие нас отношения, поэтому стоит пожалеть, что ее результаты не нашли должного отклика в сравнительной грамматике славянских языков. В 1889 г. знаменитый индоевропеист И. Шмидт опубликовал монографию об образованиях множественного числа индоевропейских имен среднего рода⁹⁴. Эта книга практически полностью сохраняет свое научное значение и сейчас, немногим менее ста лет после ее издания. И сейчас труд Шмидта может быть рекомендован для самого тщательного изучения каждому, кто интере-

⁹² R. N a h t i g a l. *Slovanski jeziki*. 2 izd. Ljubljana, 1952, стр. 50 сл.

⁹³ J. J. M i k k o l a. *Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen*. III. Teil. *Formenlehre*. Heidelberg, 1950, стр. 32.

⁹⁴ J. S c h m i d t. *Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra*. Weimar, 1889.

суется индоевропейской предысторией соответствующего формообразования в славянском. К тому же в книге собрано и осмыслено немало славянских примеров, что делает ее также источником для исследования проблемы в чисто славистическом плане, особенно если принять во внимание состояние вопроса в славистической литературе и несобранность славянского материала. По этим причинам нам кажется полезным изложить важнейшие мысли автора и привести наиболее интересные выдержки из упомянутой книги.

Указывая на такую древнюю особенность ряда индоевропейских языков, как согласование именительного падежа множественного числа среднего рода в качестве подлежащего с глагольным сказуемым в форме единственного числа (греческое правило τὰ ζῷα τρέχει и сходные явления в индо-иранских языках), Шмидт обратил внимание на то, что причина явления коренится не в особых представлениях или понятиях, а исключительно в форме слов. «Причина наличия сказуемого в единственном числе должна быть в образовании множественного числа среднего рода, т. е. именительный падеж множественного числа имен среднего рода должен быть собирательным существительным единственного числа, тогда как именительные падежи множественного числа мужского и женского рода представляют собой подлинные флекссионные плюрали»⁹⁵. «Благодаря этому формы множественного числа среднего рода, в противоположность аналогичным формам двух остальных родов, определяются как собирательные имена единственного числа, восходящие к праязыку»⁹⁶. «В ранний, недоступный для нас период индоевропейского праязыка дело обстояло так же, как в примере лат. *acina*, мн. ч. от *acinus*, которое фактически выступает в флексии единственного числа в аблативе *ebriosa acina ebriosioris* у Катуллы. . . *acina*, *loci* были первоначально собирательными формами единственного числа по отношению к *acinus*, *locus*, подобно тому как *terra* 'земля' является собирательным в отношении к оск. *ter ù m* 'огороженный участок земли' . . . , *opera*, *-ae* — собир. к *opus*. . . ; ст.-слав. *слама* ж. 'солома' — собир. к лтш. *salms* 'соломинка', нем. *Halm*, лат. *culmus*, греч. *χάλαρος*; санскр. *hīma*, ст.-слав. *зима*, лит. *žiemà* 'зима' — собир. к санскр. *hīmá-s* 'холод'. . . »⁹⁷. «Для происхождения форм именительного падежа множественного числа среднего рода на *-ā* из собирательных существительных женского рода единственного числа важно еще одно обстоятельство. Слова неоднократно выступают одновременно как имена среднего рода и как имена женского рода, частично таким образом, что оба рода представлены в одном языке, частично — так, что в одном

⁹⁵ J. Schmidt. Die Pluralbildungen. . . , стр. 2.

⁹⁶ Там же, стр. 5.

⁹⁷ Там же, стр. 9—10.

языке — один род, в другом — другой: ...вед. *tána-m* и *tánā* ж. 'потомство'; *vána-m* 'дерево, лес' и *vānā* 'палочка для добывания огня трением'...»⁹⁸. «Романские языки превратили многие латинские имена среднего рода в имена женского рода, восприняв латинское множественное число как женский род на *-a*, в чем сказалось исключительно заблуждение, вызванное внешним видом, напр. ит. *la foglia* 'лист' и т. п. ... С другой стороны, нельзя сомневаться в том, что *frātrā* — это та же самая форма, которая в санскрите имеет значение множественного числа к *bhratrām*, и т. д. ... Таким образом, в образовании именительного-винительного пп. множественного числа среднего рода должна заключаться причина, побуждавшая одну и ту же форму выступать в одном случае как множественное число среднего рода, а в другом случае — как единственное число женского рода без заметного различия в значении»⁹⁹.

И. Шмидт подробно разбирает типы образований множественного числа от разных индоевропейских основ среднего рода. Опуская здесь то, что прямо не относится к нашему предмету, выделим лишь следующее. Согласно Шмидту, к тематическим основам среднего рода на *-o-*, *-i-*, *-u-* при образовании форм множественного числа присоединялся суффикс *-a*, что давало в случае с *-o*-основами *-ā* долгое¹⁰⁰. Так протекало формообразование в основах среднего рода на тематический гласный («*Erste Pluralbildung*»). Нетематические индоевропейские именные основы среднего рода на согласный также в ряде примеров обнаруживают расширение *-ā* при образовании множественного числа, хотя регулярным было лишь удлинение последнего гласного основы во множественном числе («*Zweite Pluralbildung*»). Вот примеры Шмидта, показывающие *-ā*-суффиксацию множественного числа консонантных основ среднего рода: санскр. *yúṣ* — лат. *jūs* — ст.-слав. *юѡа*; гот. *jēr* — ст.-слав. *ѡра* 'весна'; санскр. *hr̥d-*, авест. абл. ед. *zeredā*, греч. *χῆρ*, др.-пруск. *seyr*, лат. *cord-* — ст.-слав. *сръда* 'середина' < **serda*. «Все эти основы, расширенные с помощью *-ā*, трактуются как имена женского рода. Мена рода не мотивируется никаким ощутимым изменением значения»¹⁰¹.

Мы подходим к конечной цели настоящего раздела статьи. Оставляя в стороне примеры, обладающие полным внешним подобием описанным, но объясняемые как-либо иначе (ср. русск. *межа*, праслав. **medja*, ед. ч. ж. р., при др.-пруск. *median*, ср. р., где можно видеть независимые рефлексy разных родовых форм прилагательного, ср. лат. *medius*, *-a*, *-um*), назовем, несколько не претендуя на полноту перечня, ряд славянских имен-

⁹⁸ Там же, стр. 21.

⁹⁹ Там же, стр. 22.

¹⁰⁰ Там же, стр. 38.

¹⁰¹ Там же, стр. 117.

ных *-a*-основ женского рода, соотносимых с индоевропейскими именами среднего рода. При этом мы частично пополняем сведения о славянских данных, которыми располагал Шмидт, отмечая, какие именно формы уже были им охарактеризованы в описанном смысле: праслав. **spina* (русск. *спина* и родств.), ж. р. ед. ч. — лат. *spinum*, ср. р.; болг. *колá* 'телега, повозка', ж. р. ед. ч. — праслав. **kolo*, ср. р.; болг. *вратá* 'дверь', ж. р. ед. ч. — др.-прусск. *warto*, ср. р. (И. Шмидт, стр. 38, соотносит балтийское слово только со ст.-слав. *врата*, pl. tant.); ст.-слав. *слама*, ж. р. ед. ч. — нем. *Halm*, лат. *culmus* (см. выше, И. Шмидт); ст.-слав. *зима*, ж. р. ед. ч. — санскр. *hímā-s* (И. Шмидт, см. выше); ст.-слав. *юха*, ж. р. ед. ч. — санскр. *yúṣ* (И. Шмидт, см. выше); ст.-слав. *юра*, ж. р. ед. ч. — гот. *jēr* (см. выше); ст.-слав. *сръда*, ж. р. ед. ч. — и.-е. **kerd-* (см. выше); ст.-слав. *жза*, ж. р. ед. ч. — лат. *angōs*, санскр. *ámhas* (И. Шмидт, стр. 143); ст.-слав. *слава*, ж. р. ед. ч. — слово, греч. *κλέος*, др.-инд. *śrávas* (И. Шмидт, там же); наконец, праслав. **sěra*, ж. р. ед. ч., — лат. *serum*, ср. р.

Понятно, что словообразовательный аффикс *-ā* сам по себе старше, чем регулярное закрепление его за определенной морфологической категорией (грамматикализация, морфологизация элементов словообразования — одна из важных универсалий языка, с чем постоянно приходится считаться сравнительной грамматике). Тем не менее в слав. **sěra* и аналогичных примерах мотивация приращения этого аффикса наилучшим образом объясняется при сравнении славянской *-a*-основы с более древней родственной основой на *-o-*, на согласный, главным образом среднего рода, к которой основа на *-a* относилась первоначально как множественное число к единственному. Наличие тенденции вторичной сингуляризации и древней формы множественного числа на *-ā* доказывается сравнительно молодыми примерами, где эта тенденция проявилась уже в течение диалектной эволюции внутри славянского, ср. болг. *колá*, *вратá* (выше). Таким образом, мы можем говорить об этимологически плюральных основах на *-ā* как об одном из источников славянских имен женского рода на *-a*. Сравнение лат. *serum* и слав. **sěra* пополняет тем самым материал по проблеме *neutrum pluralis = femininum singularis* в индоевропейском и славянском.

III

Темой настоящей, последней заметки является словообразование, или, если так можно выразиться, сравнительное словообразование, связь которого со сравнительной грамматикой и с этимологией не нуждается в доказательстве. Нижеследующие наблюдения относятся исключительно к лексике полабского языка, которая в ряде примеров рассматривается в сравнении с другими

славянскими. Эти наблюдения оформились в ходе работы по отбору и праславянской реконструкции полабской лексики для подготавливаемого Этимологического словаря славянских языков.

Несколько слов об источниках. Основным нашим источником во время упомянутой работы был новый «Полабско-английский словарь» К. Полянского и Дж. Сенерта¹⁰², обладающий преимуществами наиболее полного собрания дошедшей до нас лексики вымершего полабского языка. Этот словарь уже известен нашей лингвистической научной общественности, в советских лингвистических изданиях опубликованы рецензии на него¹⁰³. Кроме того, был, естественно, использован монографический труд П. Роста¹⁰⁴, до сих пор остающийся благодаря своим высоким научным качествам важным подспорьем при исследовании полабского языка в целом.

Итогом отбора праславянского слоя полабского языка (причем остались в стороне многочисленные местные относительно поздние заимствования из нижненемецкого языка) явилась словарная картотека, насчитывающая около полутора тысяч слов. Мы не рассчитывали в относительно небольшой заметке знакомить читателя с полным списком вероятных праславянских лексем полабского словарного состава. Здесь достаточно будет сказать, что значительная часть этих реконструкций оказывается тождественной соответствующим формам других славянских языков. Описывать этот компонент полабского словаря также не имеет здесь смысла, поскольку мы не сможем указать среди этих образований практически почти ничего специфически полабского, что нас сейчас в первую очередь интересует. Опуская перечень нехарактерных с точки зрения полабского языкового своеобразия лексем, которые играют роль более или менее однородного фона, мы в дальнейшем останавливаемся только на том, что в каком-либо отношении (этимология корня, характер основы, суффиксация, тип сложения, семантика) выделяется на упомянутом праславянском однородном фоне, который, практически не варьируя, представлен в каждом из остальных славянских языков. Это означает, что в своих наблюдениях по полабской этимологии и словообразованию мы будем говорить о праславянских лексических диалектизмах полабского. Последних не так много, но этого и следовало ожидать, поскольку мы имеем в своем распоряжении лишь остатки языка. Тем не менее в этих остатках заключено немало поучительного с точки зрения праславянской лексической реконструкции

¹⁰² K. Polański and J. A. Sehnert. Polabian-English dictionary. The Hague—Paris, 1967.

¹⁰³ А. Е. Супрун. Новый полабский словарь. — «Советское славяноведение», 1967, № 6, стр. 90—92; О. Н. Трубачев [Рец. на кн.:] К. Polański and J. A. Sehnert. . . — «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 327, сл.

¹⁰⁴ P. Rost. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen, Leipzig, 1907.

и в плане общей языковой эволюции славянского. Полный перечень оригинальных полабских образований на уровне праславянской реконструкции будет дан в конце. Как увидим, отклонения полабского от праславянского однородного фона носят главным образом словообразовательный характер. Словообразовательными, словоформительными по существу являются и те случаи, где на помощь должна прийти этимология. Мы начнем именно с этих последних, так как их меньшинство.

Полаб. *jeserâi* им.-вин. мн. 'ость колоса' отражает более древнее **jesery*¹⁰⁵, форма *plurale tantum*, соответствия которой из других славянских языков нам практически неизвестны (о польск. *jesiora* см. специально ниже). Предприняв некоторые уточнения в реконструированной форме, мы получим **esery* мн., по всей вероятности, — древнее слово, местный лексический диалектизм праславянского времени (начальное *j-* мы расцениваем как протезу, вторичное наращение в условиях фразовой фонетики славянского). Утверждение о древности описанного слова **esery* и его значения 'ость колоса' мы основываем на его исключительной близости и родстве с нем. *Ähre* 'колос', др.-в.-нем. *ahira*. Немецкое слово продолжает и.-е. **akerā*, к которому вполне закономерно может быть возведено и праслав. **osera* / **esera*, представленное в более ограниченной грамматически форме **esery*, мн. (полаб. *jeserâi*). Замечательна также семантическая близость немецкого и полабского слов, к тому же важно, что это близость исконного родства, а не обычного заимствования. Тождество нем. *Ähre* и полаб. *jeserâi* настолько очевидно, что не требует специального этимологического обоснования. Со стороны славянского полабская форма тоже может трактоваться как прозрачная в словообразовательном отношении: реконструируемое праслав. **esera* < **osera* представляет собой расширение основы **os-*, представленной в славянских именах **ostь*, **ostьь*, обозначающих ость колоса, колючие сорняки и рыбью кость, а также в древнем прилагательном слав. **ostrь* 'острый' (с индоевропейским расширением *-r-*). Значение 'рыбья кость' выступает также у такого производного от упомянутой основы, как польск. *jesiora* 'рыбья кость', обычно — во множественном числе — *jesiory*, которое зафиксировано, точнее говоря, в кашубско-словинских диалектах, а не в континентально-польских говорах. На тождество формы этого слова и отмеченного выше полабского обратили внимание давно¹⁰⁶, но значение кашубско-словинской формы уводило мысль исследователей исключительно в сторону «рыбих» терминов: в качестве ближайшего индоевропейского соответствия называлось только

¹⁰⁵ Polański—Sehnert, стр. 74.

¹⁰⁶ Sławski I, стр. 565 (с литературой).

лит. *ešerŷs, ašerŷs* 'окунь'¹⁰⁷, как видим, — с самостоятельным развитием особого значения.

Полаб. *lekānaičā* ж. толкуется в полабских текстах с помощью немецких эквивалентов *Hüner-Geyer, Hüner-Habicht, Weihe, Küchen Weihe*¹⁰⁸. Предпринимаемая для этого слова праполабская реконструкция **lekanica* у Полянского—Сенерта этимологически явно недостаточна. Как будто очевидно, что в этом слове представлено в разрушенном виде сложение, вторым компонентом которого служит *-kanica*, форма, производная от слав. **kan'a*, ср. польск. *kania* 'коршун', как последнее видел уже Рост¹⁰⁹. Этот ученый, правда, смотрел на полабское слово скорее как на искусственное образование на базе упомянутого древнего славянского названия коршуна **kan'a*. С нашей точки зрения, полаб. *lekānaičā* (подлинные написания в текстах см. у Роста) продолжает праполабское сложное слово **pilekanica*, где реконструируемый первый компонент **pile-* (с последующей апокопой первого слога *pi-*) соответствует засвидетельствованному полаб. *pailq* (в транскрипции Полянского—Сенерта) 'утенок, гусенок'. Тогда праполабское сложение **pile-kanica* точно осмысливается как 'коршун-цыплятник', и вместе с тем становится видна его первоначальная функция как кальки немецкого названия вроде одного из его эквивалентов в полабских памятниках — *Küchen Weihe*. Калька осуществлена уже в собственно полабский период развития, и слово тем самым не имеет отношения к праславянскому.

Полаб. *papil* м. 'овод, шмель' Полянский и Сенерт производят из более древней формы **pepely*¹¹⁰; Рост, приводящий также все фактические написания слова в полабских текстах, толкует его из первоначального корня *pap-*, ср. в.-луж. *pumplička* 'eine Art Schlupfwespe', *pumpotać* 'brummseln'¹¹¹. Из этого можно заключить, что Рост предполагает здесь местное оноματοпозитическое происхождение. Звукоподражательные мотивы при обозначении, в частности, шмеля, как мы знаем, не исключены, но некоторый материал позволяет искать здесь иную, пожалуй, даже более прозрачную и очевидную этимологию с четким словообразовательным принципом, который, заметим, отсутствует в этимологии Роста — *papil* < *pap-* (*-il* отсекается без специальной аргументации).

Реконструированную праполабскую форму названия овода и шмеля **pepely* мы объясняем как результат вторичной диссимиляции из **pelpeľ*. Последнее образование представляет собой полную редупликацию корня, причем эта редулицированная

¹⁰⁷ Sławski I, стр. 565; Fraenkel I, стр. 125.

¹⁰⁸ Polański—Sehnert, стр. 88.

¹⁰⁹ P. Rost. Указ. соч., стр. 168, прим. 23.

¹¹⁰ Polański—Sehnert, стр. 108.

¹¹¹ P. Rost. Указ. соч., стр. 73, прим. 6, и стр. 406.

праславянская основа выступает в разных славянских языках прежде всего в роли названий птицы, также подвергнутых разного рода диссимиляциям, но довольно легко сводимых к древнему **pelpeľka*, **pelpelica*. Специфика полабского слова проявилась в оригинальной эволюции формы (особый результат диссимиляции) и в оригинальном развитии значения ('овод', 'шмель'). Говоря об оригинальной диссимиляции в полаб. *ppil* (<**pepeľ* <**pelpel-*), нельзя не вспомнить очень близкие формальные аналогии балтийского, прежде всего — др.-прусс. *penpalo* 'перенел' <**pelpalo*, при лит. *pėpalas*¹¹². Этим, наверное, не исчерпываются следы праформы **pepeľ* <**pelpel-* в славянских диалектах к югу от Балтийского моря. В связи с этим наше внимание привлекает, например, нижненемецкое слово *Pampanischke* 'Coccinella septempunctata, божья коровка', еще не получившее окончательного объяснения. Исследователь кашубско-словинских и прочих славянских диалектов балтийского Поморья Ф. Хинце признает: «*Pampanischke ist am unklarsten*»¹¹³. Автор допускает происхождение этого названия божьей коровки из искажения славянского названия *paneveška* — то же или *p^oópeleška* с тем же значением в немецкой языковой среде. Возможно, однако, что мы и здесь имеем перед собой местное славянское продолжение, реликт древнего **pepeľ*, претерпевшего преобразования и словопроизводные изменения.

Полаб. *prüst'au*, форма родительного падежа единственного числа мужского рода имени, которое соответствует в полабских текстах немецкому *Loderasche* 'пылающий жар, горящая зола'¹¹⁴. Полянский и Сенерт снабжают эту форму в своем словаре древней реконструкцией **prošьku*, смысл которой на праславянском или праполабском уровне неясен (если имеется в виду форма, близкая польск. *proszek* 'порошок', то ее древний вид был бы **poršьkъ*), что наводит на мысль о неточности или ошибке. По нашему мнению, форма косвенного падежа *prüst'au* отражает соответствующую падежную форму от праслав. **pryskъ*, продолжения которого известны в ряде славянских языков как раз в значении 'жар, горячая зола', ср. польск. *prysk* 'жар, горячая зола', русск. *прыск* 'жар угольный, порск, особ. в кузнечном горну' (Даль), укр. *прісок* (род. *пріску*) 'горячая зола с огнем' (Гринченко). Дальнейшая этимологическая принадлежность этого праславянского **pryskъ* к глагольному семейству **pryskati* / **bryzгati*, **pъrskati*, звукоподражательному по своему происхождению, не может ни у кого вызывать сомнения. Таким образом, в нашем случае с полаб. *prüst'au* речь идет не столько об этимологии, сколько об

¹¹² См.: Fraenkel I, стр. 586 (там же — литература).

¹¹³ F. Hinze. Pomoranische Bezeichnungen des Marienkäfers im hinterpommerschen Plattdeutsch. — ZfS IX, 1964, стр. 351.

¹¹⁴ Polański-Sehnert, стр. 117. — В материалах Роста эту форму не удалось обнаружить.

этимологической поправке к полабской лексикографии. Разумеется, мы отдаем себе отчет в особой сложности всех подобных вопросов для полабского, где этимология обязана действовать в тесном контакте с филологией и текстологией полабских письменных памятников. Полянский и Сенерт сочли необходимым транслитерировать слово как *prüst'au*, причем с помощью знака *ü* они обычно передают звук, восходящий к древнему *o*, тогда как рефлекс древнего *u* передается обычно (в средней позиции) как дифтонгическое сочетание. Нам трудно сейчас решить, какие обстоятельства сыграли в отмеченном нами отклонении решающую роль, но сравнение и этимология как будто подсказывают здесь наиболее верный вывод. Словообразовательная характеристика и мотивация при нашем объяснении также представляются наиболее полными.

Полаб. *t'ösör* н. 'крупя, Grütze' признается Полянским и Сенертом как слово неизвестного происхождения: «origin unknown»¹¹⁵, ср. еще и прилагательное полаб. *t'ösärenä* 'крупяная' (там же). Вместе с тем авторы дают для полабского существительного реконструированную древнюю форму: **kosorь*. На этом слове стоит задержаться, потому что оно интересно в словообразовательном и этимологическом отношении не только само по себе, но также и тем, что, будучи словом довольно изолированным, оно, как кажется, может пролить свет на некоторые формы, широко распространенные в славянских языках. Прежде всего надо напомнить, что уже давно было указано на несомненное родство полабского названия каши, крупы и слав. *kaša*, русск. *каша* и т. д.¹¹⁶ Для этого, правда, вовсе необязательно, как увидим далее, реконструировать для полаб. *t'ösör* праформу, максимально близкую к *kaša*, а именно **košorь*. Предварительное свидетельство о родстве слов **kaša* и **kosorь* (в праславянской реконструкции) можно усматривать, между прочим, в том факте, что полабский, зная слово **kosorь* и обладая нужными контекстами для употребления названия каши и крупы в своих памятниках, не знает слова **kaša*. В остальных славянских языках положение примерно обратное. Теперь о форме **kosorь*. Основным барьером на пути к этимологии этого слова в полабском является его оригинальное значение 'крупя, каша'. Если отвлечься на некоторое время от этого конкретного лексического значения, то сразу бросается в глаза разительная близость праполабского **kosorь* и таких слов, как ст.-слав. *косоръ*, болг. *кóсер* 'кривой садовый нож', сербохорв. *кòсир* 'садовый нож, тесак для рубки сучьев, прутьев', диал. *kosor*, др.-русск.

¹¹⁵ Polański—Schnert, стр. 156.

¹¹⁶ B. Szydłowska-Cegłowa. Zdobywanie i przygotowywanie żywności u Połabian. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», t. II. Warszawa, 1957, стр. 420, 432.

косо́ръ, косо́рь, русск. *косо́рь, косы́рь*. Этимология и словообразование этого слова прозрачны: это производное от глагольной основы **kos(iti)* с суффиксами *-orъ, -orь, -erъ, -arъ, -urъ*, обозначающее орудие для рубки, измельчения. Близость структуры и общее сходство этих слов и праполабского **kosorъ* не случайны: мы считаем, что в последнем представлено этимологически и словообразовательно тождественное **kos-orъ*, обозначающее на этот раз самый продукт измельчения. Такой принцип наименования, как знаем, положен и в основу других названий пшена, крупы в разных языках: слав. *krupa, pšeno*, нем. *Grütze* и т. д. Крупа — это измельченное, порушенное зерно. Решив этим способом этимологию полаб. *t'ösör* (**kosorъ*) и выявив ее ярко словообразовательный характер, мы должны вернуться к констатации родства **kosorъ* и **kaša*, бегло высказанной выше. Эти оба слова действительно родственны, как справедливо отмечалось другими исследователями ранее, но признание их родства требует одновременно жесткого пересмотра всех известных этимологий слова **kaša*. Ясно, что форма **kosorъ* может быть только производным с суффиксом *-orъ* от глагольной основы **kos(iti)*. Преимущественный, избирательный характер словообразовательной связи этого суффикса (или суффиксальной группы, см. выше) именно с этой ступенью корня **kes-/kos-* исключает всякую другую этимологию. Переходя к форме **kaša*, мы считаем возможным — в изменение своей прежней точки зрения об этимологии этого слова¹¹⁷ — настаивать на родстве, словообразовательно-морфологической связи с **kos(iti)* также и для **kaša*. При этой связи вокализм и консонантизм формы **kaša* получают осмысление как функционально обусловленные особенности: продление корневого *-o-* в исходной глагольной основе **kos-*, знаменующее производный характер нового имени, и *j-*овый суффикс, служащий для той же цели: **kaša* < **kasja*¹¹⁸. Реально-семантическая мотивация уже упоминалась выше: крупа — это измельченное, порушенное зерно. Принципиальное различие между крупой и кашей из нее не было, видимо, обязательным, кашу обозначали названием для крупы, как это видно из сосуществования обоих значений — 'крупа' и 'каша' — у продолжений праслав. **kaša* в разных славянских языках. Естественно считать, что значение 'крупа, измельченное зерно' старше.

Полаб. *vrex* м. 'орех' считают возможным прямо увязывать с праславянской реконструкцией **orěxъ*¹¹⁹, общей для всех про-

117 См.: О. Н. Трубачев. Из истории названий каш в славянских языках. — «Slavia», гошп. XXIX, 1960, стр. 8.

118 Слово *каша* увязывал с этимологически близким славянскому **kos(iti)* литовским *kasyti* 'скрести' еще Потебня (у Преображенского I, стр. 302). Позднее эта точка зрения оспаривалась.

119 P o l a ŋ s k i—S e h n e r t, стр. 179.

чих славянских форм. Между тем реальные написания в полабских текстах (*frīg, wrech, wrēch, wrochay*) и обычные отражения начального *o-* в полабском (передаваемые Ростом через *vīō-*, а в Словаре Полянского—Сенерта — через *vi-*) препятствуют безоговорочному сближению полабского названия ореха и формы **orēxъ*. Как увидим далее, число неясных словообразовательных моментов, связанных с этимологизацией славянского названия ореха в литературе, не ограничивается сказанным. Достаточно будет указать на разницу в анлаутах между слав. **orēxъ* (русск. *орѣх* и родств.) и ближайшего к нему лит. *riešutas*, которая до сих пор остается необъясненной (имеющиеся в этимологических словарях и литературе глухие ссылки на заимствование данных слов как культурных терминов нельзя считать объяснением, тем более что перечисленные слова имеют все признаки народных славянских и балтийских названий, а вовсе не культурных терминов, под которыми надо понимать бродячие лексемы с широким, трудно ограничимым ареалом и стертыми признаками языкового происхождения). Отношение полаб. *vrex* и праслав. **orēxъ* мы трактуем как отношение одного приставочного образования к другому приставочному же образованию и вносим поправки в реконструкции, получая соответственно праполабское **vvrēxъ* и праславянское **o(b)rēxъ* (для прочих славянских). Тогда делается понятным и отношение славянских форм к балтийским, в частности к лит. *riešutas*. Литовская форма не имеет префиксов, но зато обладает суффиксом, четко указывающим на ее производность (а не уменьшительность!). И в балтийском и в славянском название ореха получено путем словопроизводства от этимологически одной и той же основы, представленной в лит. *rišti* 'связывать, развязывать' и в слав. **rěšiti* '(раз)вязать' (эти последние глаголы нельзя разрывать этимологически, несмотря на неясные моменты консонантизма). В лит. *riešutas* 'орех' суффиксальное словопроизводство с помощью *-utas* от глагольной основы абсолютно аналогично лит. *degùtas* 'смола, деготь' — от глагола *dėgti* с суффиксом *-utas*. В славянском мы имеем почти повсеместно префиксальный тип **o(b)rēxъ* (с судьбой префикса, аналогичной случаю **o(b)rǫžьje*) и локально — также префиксальное полабское *vrex* < **vvrēxъ*. Наша этимология — **obrēxъ, *vvrēxъ* < < **rěšiti* и *riešutas* : *rišti* основана на том непреложном факте реального плана, что эти названия оформились в первую очередь как обозначения лесного ореха, лещины (*Corylus*), а плоды этого последнего произрастают характерными связками, кучками, ср. у Даля: гравкой зовут также сросшиеся в кучку русские орехи, как рождаются они на одном общем стебле. И в этом последнем примере этимологизация полабского слова (проясняющая, как видим, и некоторые общеславянские вопросы) принимает специфически словообразовательное направление. Есть основания полагать, что прочие сближения наших названий ореха, не при-

водимые здесь, но легко доступные в известных этимологических словарях, не могут считаться достоверными.

В заключение настоящей заметки приведем еще список специфических в словообразовательном отношении полабских лексем в транскрипции Полянского—Сенерта и в праславянской реконструкции: *bezaikā* 'бегун' (**běžika*), *bledaičā* 'бледность' (**blēdica*), *bočār* 'выпь' (**bočarь*), *bračaiikā* 'музыкальный инструмент' (**bręčika*), *dověk* 'ястреб' (**davikъ*), *drizal* 'пояс' (**deržьbь?*), *d'ujěk* 'врач' (**gojikъ*), *gnevoi* мн. 'железы' (**gněvy*), *grauk* 'дерево груши' (**grukъ*), *x'raud* 'бич; смычок' (**kr'udъ*), *xaudaičā* 'мелочь, что-либо нестоющее' (**xudica*), *jagraičā* 'игра' (**jьgrica*), *jeserai* мн. 'ость колоса' (**esery*), *klanaiikā* 'тот, кто бранится' (**kьlnika*), *kort'ētuc* 'крот' (**korkotočь*), *lairaika* 'живодер' (**lu-pika*), *lāzaiikā* 'лжец' (**lъžika*), *lozaiikā* 'жаба' (**lazika*), *maudaiikā* 'мелкая деталь сохи или плуга' (**mudika*), *mólě* прил. мн. 'мелкие' (**mělyji*), *rajaiikā* 'пьяница' (**rijika*), *pākně* 'падает' (**pъk-nōti*), *papil* 'овод, шмель' (**pępely*), *peraiikā* 'праща' (**perika*), *perdojaiikā* м. 'торговец' (**perdajika*), *počāvaičā* 'жерлянка огненная' (**počavica*), *prūl'otū* 'весна' (**prolěto*), *prūst'au* род. ед. м. (**pryskъ*), *skocaiikā* м. 'жеребец' (**skačika*), *svait'ōrāk* 'синица' (**svikorъkъ*), *tācaiikā* м. 'ткач' (**tъčika*), *tribaiikā* м. 'тот, кто грабит граблями' (**terbika*), *tūcaiikā* ж. 'крот' (**točika*), *t'ōlāt* 'доска' (**kolъtь*), *t'ōsōr* м. 'крупя, каша' (**kosorь*).

Поскольку ранее такой отбор для полабского как будто не производился, очевидно, что эти сведения, при всей их немногочисленности, представят интерес сами по себе. Но очевидно также и значение словообразовательной характеристики оригинальных образований полабского для более детального и точного представления о славянской перспективе и эволюции в целом. Вспомним о разысканиях имен деятеля с суффиксом *-ika* в славянских языках. Известно мнение, что этот тип словообразования утратил продуктивность в славянском¹²⁰. В недавнее время эта проблема занимала двух исследователей болгарского словообразования. Некоторые соображения по этому поводу приведены в статье Славского, указывавшего на древнеболгарские (старославянские) *жжика*, *ближжика*¹²¹. Мирчев, оставляя в стороне такие названия растений, как болг. *любика*, ср. *иглика*, *метлика* и др. (которые, естественно, не относятся к разряду имен деятеля), привел новые примеры из болгарского народного языка: *уходика* 'незамужняя девушка', *споенжжика* 'близкая родственница'¹²². Но достаточно обратиться к нашему списку специфических полаб-

¹²⁰ См.: W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, I, 1924, стр. 614.

¹²¹ F. Sławski. Słowotwórstwo bułgarskie na tle prastówiańskim.— «Z polskich studiów slawistycznych», 2. Warszawa, 1963, стр. 79—90.

¹²² K. Mirčev. Zur bulgarischen Wortbildung.— «Die Welt der Slaven», Jg. XI, 1966, стр. 233 сл.

ских образований, чтобы относительная хронология активности типа имен деятеля на *-ika* в славянском приобрела несколько иной смысл, ср. праформы **běžika*, **bręčika*, **kľьnika*, **lurika*, **l'žika*, **lazika*, **mudika*, **pijika*, **perika*, **perđajika*, **skačika*, **t'čika*, **terbika*, **točika*. Скудные остатки полабского языка, оказывается, обнаруживают настоящее богатство в области производных имен деятеля на *-ika*, говорящее о длительной продуктивности этого типа имен в полабском. Замечательно разнообразие основ и значений этих слов: здесь есть и названия разных животных (по активному качеству), названия орудий и, конечно, в первую очередь — названия занятий человека и различных его качеств, действий, пороков. Эти и аналогичные им образования, их историю и функции в разных славянских языках и диалектах, их взаимоотношения с омонимическими суффиксальными типами (названия растений на *-ika/-ica*) еще предстоит изучить, поскольку до сего времени проблема только затрагивалась и у исследователей не было всего материала и четкого представления о синхронном отношении типов (имена деятеля на *-ika/-ica* : названия растений на *-ika/-ica*) и о диахронической эволюции (*-ika* ⇌ *-ica*, а также возраст разных образований).

Перспективный способ изучения проблем такого рода — это исследование славянского словообразования в целом (или его фрагментов) через призму словообразования одного из славянских языков. Об этом свидетельствует, помимо опытов других ученых, также предпринятая нами выше попытка.